

МАРИЯ РУДНЕВА

ПРОГРЕСС
И ЛЮБОВЬ
НЕ ОСТАНОВИТЬ

МИРТ ИСТИНА КОРОЛЯ

Мария Руднева
Мирт. Истина короля
Серия «Изобретая реальность»
Романы М. Рудневой»
Серия «Приключения
мистера Мирта», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69192259

Мирт. Истина короля: Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-186817-8

Аннотация

Роман Марии Рудневой придется по душе поклонникам творчества Жюль Верна и истории Гая Фокса.

Авантюрно-приключенческий роман, где гармонично сочетаются стимпанк и альтернативная Викторианская Англия. А еще на страницах книги можно встретить фэйри!

Ученый Габриэль Мирт готовится к Ежегодной выставке достижений. Он и его помощница, суфражистка и бунтарка Амелия Эконит, запустят первую паровую машину – изобретение, которое наверняка изменит мир.

Среди изумленной публики будет и Джеймс Блюбелл, принц, изгнанный вместе со всей королевской семьей шесть лет назад.

Он тоже готов изменить мир – и вернуть себе трон любой ценой.

Не зря ведь на королевском гербе Блюбеллов священный мирт переплетен с голубым колокольчиком. Как символ противостояния – братьев, друзей и врагов.

Содержание

Часть I	6
Глава 1	9
Глава 2	29
Глава 3	48
Глава 4	66
Глава 5	87
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Мария Руднева

Мирт. Истина короля

© М. Руднева, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Часть I

Из дневника Габриэля Мирта

Лунденбурх, август, 18** год

...Ежегодная выставка достижений все ближе! А значит, близок и час моего триумфа.

Вчера я привел в действие механизм паровой машины и убедился: все работает. Я добился своего.

Готов поспорить, что ничего подобного не видали еще не только Бриттские острова, но и Континенталь. В конце концов, именно у нас наука развивается со скоростью света и позволяет преодолевать законы Вселенной.

Сколько лет мы жили, повинаясь природе? Настало время взять над ней верх!

Паровая машина – вершина моего технического гения. Сейчас мне сложно представить, что я могу создать хоть что-то подобное ей. Она представляет из себя огромную повозку из железа, бронзы и меди и способна преодолевать невероятные расстояния!

Колес у нее целых шесть, к паровозу – так я назвал повозку – прицеплен пассажирский вагон. И вагонов

таких может быть до шести. Таким образом можно перевезти с места на место до тридцати человек. Мы и мечтать не могли раньше о том, чтобы за сутки преодолеть расстояние из одного конца Бриттских островов до другого. И уж точно далеки мы были от мысли, что можно оказаться через двое суток на Континентале!

Двигается эта машина с помощью пара, а значит, приводится в движение при помощи угля. Потому я всей душой за то, чтобы проводить раскопки дальше в поисках новых угольных шахт. Я уверен, что моя паровая машина – лишь первый шаг на пути развития технологий.

Я уверен и в том, что именно мне предстоит стать сердцем выставки. Мне обещали большой выставочный павильон, специально отстроенный рядом с ангаром. Вот как важно мое изобретение! Саму территорию выставки расширили ради него! Сдается мне, без вмешательства сэра Эейсона Уолша не обошлось. Было бы обидно его разочаровать, раз моему изобретению придают такую важность заранее. Это доверие бесценно.

По сути, остался нерешенным всего один вопрос: кому достанется честь сесть за руль паровой машины во время первой ее поездки? Это мне предстоит решить уже сегодня. Светает. Откладываю записки и постараюсь поспать хотя бы несколько часов. Завтра мне потребуется вся моя собранность, чтобы в полной мере оценить репутацию и подготовку кандидатов. Не

представляю даже, сколько их будет. Так или иначе, все, что я делаю, я делаю ради великой цели – Просвещения...

Глава 1

Амелия

– Девчонка?!

– Вы посмотрите-ка, и в самом деле девица.

– И что она здесь забыла?

– Не иначе как женихов приехала присматривать!

– Думаете, она из этих? Из самостоятельных?

Толпа разразилась хохотом.

Два десятка мужчин, просто одетых и носящих на макушке заломленные назад кепи, с интересом разглядывали прибывшую.

Мисс Амелия Эконит элегантно вышла из кеба, всем своим видом показывая, что насмешки собравшихся во дворе особняка мужчин ее не задевают. Она гордо вздернула голову и направилась прямо к ним.

– Э, да, смотрите, не иначе угадал? За женихами!

– А как одета! Вы только посмотрите на эту юбку!

– Что под ней? Не иначе штаны!

– А ты, я смотрю, не прочь посмотреть дамочкам под юбки, а, Герберт?

Амелия и это пропустила мимо ушей.

Поправила шляпку, высоко сидевшую на кудрявых золотисто-русых волосах, одернула юбку и пошла к двери.

Мужчины заволновались.

– Это куда это вы собрались, дамочка? – наконец спросил один из них – тот, кого называли Гербертом.

– Это ведь дом мистера Г. Мирта? – осведомилась мисс Амелия, сверившись с адресом на карточке, которую держала в руках.

– Именно, только вот и не знаю, что бы здесь забыла дамочка, да еще и в такой день!

– Вот именно, – рявкнул другой, сплевывая себе под ноги. – Проваливайте домой, дамочка. Мистер Мирт сейчас очень занят, ему не до свиданий.

– И нам тоже! – выкрикнул кто-то, и толпа поддержала его довольным улюлюканьем.

Мисс Амелию и это не поколебало. Вежливо улыбнувшись, она повторила:

– Это дом мистера Г. Мирта? Здесь проходит отбор водителей паровой машины?

На мгновение воцарилась тишина. И следом за ней – неудержимый хохот. Мужчины тряслись в приступе заливистого смеха, сгибались пополам, кто-то хлопал рукой по капоту автомобиля или стволу дерева – словом, каждый из всех сил пытался показать, до какой степени забавными находят они слова мисс Амелии.

Мисс Амелия закусила губу. Казалось, ее наконец проняло.

Она уже собиралась что-то сказать, как вдруг отворилась дверь и с крыльца сбежал невысокий человек в сюртуке, на

котором явственно отпечатались следы угля и масла. Мисс Амелия внимательно оглядела его: каштановые локоны так и норовили выбиться из черной ленты, но при всем этом мистер Г. Мирт – а человек этот не мог быть никем иным – производил впечатление джентльмена, а не рассеянного ученого, и тем самым сразу расположил мисс Амелию к себе.

Мистер Мирт остановился перед собравшимися и широко улыбнулся:

– Как же я рад, господа, что вы все решились прийти сюда сегодня. Поверьте, мы стоим на пороге великих открытий и невероятных достижений. Мы с вами творим историю, господа! Прошу простить за долгое ожидание. Приглашаю всех в свою гостиную, где мы с вами поговорим о том, что ожидает нас в ближайшее время. И о том, зачем я устроил этот отбор и в чем он будет заключаться. Ничего страшного вас не ждет – мы просто поговорим.

– А она что, тоже пойдет? – ткнул в мисс Амелию пальцем один из мужчин.

Мистер Мирт перевел на мисс Амелию лучезарный взгляд.

– Если мисс приехала для того, чтобы принять участие в отборе, я буду только этому рад.

– Псих какой-то, – громким шепотом поделился кто-то из толпы.

Мистер Мирт только отмахнулся.

– Идем, господа. Я и так заставил вас задержаться. Ужасно

неприлично с моей стороны. Просто кое-что не ладилось в мастерской... Прошу прощения и за это, и за свой внешний вид!

Он помахал рукой, увлекая за собой ожидающую толпу, и мисс Амелии ничего не оставалось, кроме как последовать за ним, продолжая ловить на себе косые взгляды.

* * *

Мистер Мирт торопливо прошел в гостиную, на бегу проведя рукой по каменной голове горгульи, застывшей, словно страж, у распахнутых настежь дверей.

– Возможно, не хватит стульев! – крикнул он и пересчитал собравшихся.

Всего на отбор явились два десятка мужчин и одна молодая особа. Последнему он радовался как ребенок – если она сюда приехала, действительно желая стать водителем паровой машины, то это просто подарок судьбы! Конечно, следовало еще подробно ее опросить, да и остальным предоставить шансы, но мистеру Мирту казалось, что он определился еще до начала отбора. Он одернул себя. Нельзя же полагаться на первое впечатление! Надо быть сдержаннее. Особенно когда речь идет о таком важном вопросе.

Он на мгновение встретился глазами с девушкой. Она улыбнулась и сделала шаг вперед, предлагая помощь.

Мистер Мирт, зажав под мышкой дополнительный стул,

покачал головой:

– Даже не думайте, мисс!

– Поверьте, мне случалось носить вещи тяжелее банкетных стульев, – усмехнулась она.

– Я – джентльмен, – ответил мистер Мирт. – Будь даже перетаскивание стульев из комнаты в комнату вашим основным делом жизни, я все равно не позволил бы вам делать это при мне.

Девушка сощурилась.

– Стало быть, вы из тех, кто считает, что удел женщины – сидеть сложа руки в беспомощном ожидании?

Мистер Мирт остолбенел.

– Вовсе нет! – смущенно пробормотал он. – Я не хотел вас обидеть, мисс. Просто...

– Просто считаете женщину... слабым полом? – вкрадчиво спросила девушка, подходя ближе.

Но мистер Мирт уже пришел в себя.

– Да если бы это было так... – весело сказал он. – Разве мы с вами бы разговаривали сейчас? Право, вы ведь претендуете на должность водителя паровой машины. Или я ошибся?

– Нет, все так, – ответила девушка. – И все же позвольте мне отнести для себя стул самой.

Мистер Мирт стул не отдал.

И попросил девушку выбрать в зале любой стул, который придется ей по вкусу, – мол, этот он все равно решил оставить себе.

Кто-то из мужчин, услышав их перепалку, рассмеялся и поднялся с уже пригретого стула:

– Садитесь, мисс, – крикнул он. – Будьте как дома.

Девушка только покачала головой и вышла в коридор. Мистер Мирт проводил ее задумчивым взглядом. Не иначе как отправилась на поиски еще одного стула. И точно: упрямо принесла тяжелый дубовый стул, поставила его у дверей и изящно села.

Мужчины встретили ее действия новой порцией смеха и унялись только после того, как мистер Мирт взмахнул рукой.

– Итак, – прокашлявшись, обратился он к собравшимся. – Вы все пришли, потому что заинтересовались моим объявлением. Я же прав, предполагая, что среди вас нет случайных людей?

По толпе прокатился гул. Определенно, каждый из собравшихся точно знал, зачем явился сюда. Однако мистер Мирт поспешил уточнить:

– Вы имеете представление о том, что такое паровая машина?

– Ни малейшего! – выкрикнул с места тот, кого называли Гербертом. – Но вряд ли справиться с ней сложнее, чем с норовистой лошадью!

– Здесь вы неправы, – покачал головой Мирт и развернул лицом к собранию деревянный мольберт, который использовал вместо отсутствующей у него в гостиной (по понятным причинам) университетской меловой доски. – Моя паро-

вая машина – совершенное новшество в науке. Ничто ранее изобретенное и близко не стоит рядом с ней. Это изобретение поможет передвигаться на огромные расстояния с невероятной скоростью, которая недоступна даже самой быстрой лошади.

– Э, мистер, сразу видно, не разбираетесь вы в лошадях! – вставил Герберт.

– А вы представьте себе, что вот здесь... – мистер Мирт похлопал по рисунку паровой машины, прицепленному к мольберту острой булавкой. – Вот в этом механическом корпусе заключено более трех тысяч лошадей? Точнее – лошадиных, если так можно выразиться, сил.

Собравшиеся удивленно притихли.

– Поверьте, его скорость не сравнима с лучшими лошадьми, с самыми удобными кебами и самыми быстрыми почтовыми повозками! Что уж говорить об удобстве! Ведь на лошади или в кебе невозможно с комфортом пересечь всего за один день все Бриттские острова...

– Это в принципе невозможно! – возразил кто-то из мужчин.

Мистер Мирт отметил, что на лице мужчин отражалось все больше скепсиса, в то время как единственная мисс слушала его внимательно и, казалось, старалась не пропустить ни единого слова.

– Все возможно – теперь. Поверьте, прогресс не стоит на месте. Когда я говорю, что эта машина может – без помощи

магии, передвигаясь лишь по железным рельсам, движимая угольной тягой, – в один день перенести нас из Лунденбурха в Эденесбурх, я не фантазирую. Это реальность. И реальность эта вот-вот увидит свет.

Мистер Мирт сделал паузу, чтобы набрать побольше воздуха. Повисла тишина. Кажется, собравшиеся испытывали все меньше энтузиазма по мере того, как мистер Мирт вел свой рассказ.

– Я-то думал, вы ищете опытного извозчика... – с досадой пробормотал Герберт так, чтобы все его услышали.

– Или кебмена! – подхватил его сосед по имени Джек.

– Я ищу того, кто сможет управлять паровой машиной! – мистер Мирт поднял вверх указательный палец. – Совсем скоро я представлю ее на Ежегодной выставке достижений. Первая круговая дорога, по которой проедет поезд, почти закончена. Мне нужен тот, кто справится с этой первой – важнейшей – поездкой, ведь на паровой машине проедут самые важные гости – особенные гости выставки!

– Не, – Герберт поднялся и надел на голову засаленное кепи. – Это не по мне. Я-то думал, тут какая-то стоящая работенка... Ну их, эти ваши фантазии, мистер Мирт. Вы развлекайтесь, конечно, а у меня время дорого стоит. Пойду к своей небыстрой лошадке, уж не обессудьте, а она мне как-то родней.

Мистер Мирт растерянно проводил его взглядом.

Хлопнула входная дверь.

– Что ж... – пробормотал мистер Мирт. – Все остальные готовы продолжить беседу?

* * *

Мисс Амелия наблюдала за мистером Миртом и все больше проникалась важностью его изобретения. Еще только увидев его объявление на страницах «Вестей Тамессы», она поняла: грядет что-то необычное. Может быть, великое. И уж точно – важное. Как же она могла остаться в стороне?

После ухода Герберта на время воцарилась тишина.

Казалось, что каждый из присутствующих теперь переосмысливал свое решение явиться сюда. То, что сначала было воспринято как интересный жизненный поворот, резко поблекло в их глазах.

– Seriously, мистер Мирт? – протянул один из них. – Паровая машина, которая перевозит людей? Да кто полезет в такое чудовище!

– Вы такое тут нарисовали нам, – подхватил его товарищ. – А это же даже и не построить никак! Невозможная эта штука!

Мисс Амелия обратила внимание, что рука мистера Мирта словно бы по своей воле потянулась к кудрявой пряди у виска и начала ее наматывать. Было видно, что мистер Мирт нервничает, хотя он и старался это скрыть, что было весьма достойным поведением в его ситуации.

– Точно, никому такую махину не построить, да еще и повозки к ней прицепить! – выкрикнул кто-то из заднего ряда.

– Здесь вы не правы, господа, – торопливо заверил их мистер Мирт. – Дело в том, что паровая машина уже построена. Она находится в специальном ангаре, который в будущем превратится в часть выставочных павильонов. У нас все согласовано с мистером Анатолем Черчем.

– То есть вы никуда машину, значит, тащить не собираетесь?

– Нет, – терпеливо ответил мистер Мирт. – Она уже стоит в ангаре. Но рельсы будут проложены длинным круговым маршрутом. Вот в этих повозках...

Он взял в руки тонкую острую указку, указал на рисунки продолговатых повозок, похожих на кебы, но на колесах и без возниц.

– Вот в этих повозках – вагонах – я проведу особенных гостей выставки. Полотно дороги ляжет между павильонами выставки и дворцом Цикламенов.

– А кто будет ими управлять? – не удержалась мисс Амелия, хотя твердо решила молчать до того момента, пока не придет ее очередь.

– Тот же, кто сядет за руль паровой машины, – пояснил мистер Мирт. – Вагоны будут прицеплены к ней с помощью особых креплений. Таким образом паровая машина будет тягать за собой повозку так, как мул тянет за собой плуг. Ну, или лошадь – телегу.

– Ха! Придумаете тоже! Значится, от нас требуется вот такую махину по рельсам провезти и обратно вернуть, и все? – спросил один из рабочих. – А где подвох, мистер? Вы хоть за это платите?

Мистер Мирт назвал сумму.

Повисла тишина.

– Ну... За такое богатство и поводить можно... – выдавил из себя все тот же рабочий.

Впрочем, уверенности в его облике не прибавилось.

Мистер Мирт оглядел собравшихся и сказал:

– Если вам в целом все ясно... Дальше я хотел бы продолжить беседу индивидуально.

– Это как? – нахально спросил все тот же рабочий.

– Это значит – с глазу на глаз, – любезно пояснил мистер Мирт. – С каждым из вас я поговорю наедине, а в конце нашей встречи сделаю выбор. Вы пока можете прогуляться по территории дома или же подождать за дверью.

Комната наполнилась шумом. Рабочие вставали, громко отодвигая стулья, потягивались, разминая кости, тянулись за табачными самокрутками и фляжками. Первым решился остаться тот самый рабочий – Эдвиг, который задавал вопросы, а все остальные высыпали на улицу. Тема для разговоров осталась у них одна – странная идея не менее странного мистера Мирта.

– Да кто он вообще такой? – спросил один из рабочих, раскуривая папиросу. – Кто-нибудь что-то слышал о нем до

сегодняшнего дня?

– Я слышал, Люк, – сказал другой, отхлебывая из горла. – Говорят, он из семьи богача, который разорился пару лет назад. Кучу всего придумал, да даже у тебя дома наверняка что-то из его штук да есть. Изобретатель, что-то вечно чинит, удобно устроился при Парламенте. А теперь вот чё выдумал...

– Да, с такими-то покровителями – что ж не выдумать? Слыхали, сколько платить вздумал?

– Слыхали-то слыхали, а все равно подозрительно это все...

– Эй, а где девчонка? Тоже тут же была?..

Мисс Амелия предпочла не дослушивать и скрылась в доме. Стоять на крыльце в компании подобных мужчин она сочла для себя неприличным – хотя в целом не чуралась мужского общества, как иные из ее подруг.

Обстановка особняка казалась запущенной. Здесь не чувствовалось женской руки – кажется, у мистера Мирта не было ни жены, ни даже приходящей домработницы. Мисс Амелия с интересом рассматривала живописную паутину, художественно раскинувшуюся поверх газового светильника и механических часов.

Внезапно ее отвлек какой-то шум. Она резко обернулась. Серая каменная горгулья, охраняющая двери в зал, сменила позу.

Определенно сменила.

Передние лапы в другом положении, да и чешуйчатые крылья были сложены, а теперь вот-вот норовят раскрыться.

Мисс Амелия побледнела и подумала, что надо выйти на воздух – подышать. В заваленном разным хламом особняке было нестерпимо душно. Видимо, мистер Мирт был не из любителей заниматься частым проветриванием.

Она поторопилась выйти в заросший, не видевший руки садовника сад и встать подальше от расшумевшихся мужчин. Впрочем, рабочим было сейчас не до нее: они ожесточенно спорили, имеет ли безумная, по их мнению, затея мистера Мирта право на жизнь.

– Да не поедет эта штука! – кричал один, комкая в руках клетчатое кепи.

– А может, и поедет, – заметил другой, затягиваясь папироской. – Только мы-то здесь при чем?

Мисс Амелия отвернулась.

Ей не хотелось признаваться даже самой себе, что идея паровой машины захватила ее. А вдруг мистер Мирт остановит свой выбор на ком-то из этой толпы, насмехающейся над ним и его изобретением за спиной?

Все решит судьба. Она – Амелия Эконит – никак не может повлиять на мистера Мирта, кроме тех нескольких минут, в которые будет общаться с ним наедине.

Она вздохнула. Тугой корсет, который она надевала для выходов в свет, больно сдавил ребра.

Хоть бы все получилось, подумала она. Хоть бы я смог-

ла...

* * *

Мистер Мирт проводил очередного кандидата до двери и помедлил перед тем, как звать следующего.

Все они как под копирку шли – одинаковое прошлое, одинаковое настоящее и никаких перспектив в будущем. В первую очередь – никакого огня в глазах, никакого желания создавать себе будущее, ловить дыхание прогресса...

Никто из них не подходил.

Никто не был тем самым.

– Что ж, Поуп, – пробормотал он, поглаживая каменную горгулью по шершавому затылку. – Остался последний кандидат. Эта милая мисс... Возможно ли, что женщина пре-взойдет десяток мужчин?

Не дожидаясь ответа, мистер Мирт вышел на крыльцо. Мисс Амелия ждала его в стороне.

– Мисс, – негромко позвал он. – Я был бы рад поговорить с вами теперь. Простите, что заставил вас так долго ждать.

– Ничего страшного, мистер Мирт, – улыбнулась она. – У вас чудесный сад.

– Запущенный... – смутился мистер Мирт. – Простите, мисс...

– Ничего, я люблю заросшие сады, – она протяну-ла руку. – Эконит. Мисс Амелия Эконит к вашим услугам.

Мистер Мирт осторожно пожал хрупкую ладонь вместо того, чтобы прикоснуться к ней губами, и по смягчившимся чертам лица понял, что угадал.

– Прошу вас.

Провожая мисс Амелию обратно в залу, он заметил, как она с опаской покосилась на горгулью, проходя мимо, и незаметно показал Поупу кулак.

Памятуя о случившемся споре, он позволил мисс Эконит самой пододвинуть себе кресло и сел напротив, обхватив руками колено.

– Что ж... Буду с вами откровенен, мисс Эконит. Я поговорил с десятью прекрасными работниками и ни один из них не приблизился к моему пониманию идеального водителя паровой машины. Вот почему с вами я буду говорить с особым пристрастием. И в первую очередь спрошу у вас вот что: почему вы пришли?

– Вы спрашиваете об этом, потому что я женщина? – усмехнулась мисс Эконит.

– И поэтому тоже, – не стал кривить душой мистер Мирт. – Вы выделяетесь на фоне прочих женщин – как минимум потому, что ни одной из них не пришло в голову откликнуться на мое объявление. Вы механик?

Он спросил без перехода, быстро, не давая гостье опомниться.

– Дочь механика и изобретателя, – кивнула мисс Эконит. – Я детства вожусь с механизмами.

– Что ж... – мягко улыбнулся мистер Мирт. – Почему-то именно так мне и показалось. Теперь хочу узнать следующее: вы слушали меня очень внимательно. Понимаете ли вы, что за открытие я несу в мир?

– О да! – горячо проговорила мисс Эконит. – Понимаю прекрасно. И если вы вдруг решите остановить свой выбор на мне – я буду счастлива быть первой женщиной, которая не просто поднимется в вагон и проедет по маршруту, но той, кто проведет поезд не только вокруг дворца Цикламенов... но и по всему маршруту до Эденесбурха!

– А в вас есть амбициозность! И мне это нравится.

– Мистер Мирт!

– Прошу, зовите меня Габриэль.

– Хорошо... Габриэль, послушайте, вы сказали, что никто из этих мужчин вас не порадовал. Так зачем вам мужчины? Я так же, как и они, умею водить кеб и управляться с лошастью. Я способна собрать часы или светильник. Мои руки не боятся ни ножей, ни отверток. И уж точно я не испугаюсь вашей паровой машины – потому что с тех пор, как я о ней услышала, я не могу мечтать ни о чем другом, кроме как стать ее водителем.

– А я не вижу причины вам отказать, – мистер Мирт заправил за ухо непослушную прядь волос.

– Правда?

Голос мисс Эконит звучал так неверяще-счастливо, что мистера Мирта захлестнула радость – просто от того, что это

его решение вызвало такое выражение на ее прелестном лице. Впрочем, брать он ее собрался совершенно не за лицо.

Эконит.

Конечно.

Гилдерой Эконит, погибший три года назад.

Дочь Гилдероя Эконита – водитель паровой машины Габриэля Мирта. Это определенно достойно того, чтобы открыть новую страницу истории.

– В таком случае я сейчас отпущу остальных кандидатов, и мы с вами обсудим все детали, – быстро проговорил он, словно боялся, что девушка передумает. – Поуп, поухаживай за дамой.

Он быстро вышел за дверь, краем глаза отметив, что, когда каменная горгулья вошла в дверь с чайником в когтистых лапах, мисс Эконит даже не закричала.

Просто тихо осела в кресло, посмотрела на Поупа и проговорила:

– Пожалуйста, с молоком и сахаром. Две ложки с горкой.

Я точно в ней не ошибся, подумал мистер Мирт и счастливо зажмурился.

Определенно, эта девушка сулит ему удачу.

Из дневника Джеймса Блюбелла

Хань, июль, 18** год

...будь я проклят, если не исполню своего предназначения сейчас. Иначе я никогда не достигну цели. Я перестану считать самого себя человеком чести, если хоть что-то заставит меня отступить от задуманного.

Слишком долго я жил, скрываясь.

Мои покойные отец и матушка, несомненно, только обрадовались бы, узнав, что я жив. Но за каждым месяцем жизни в изгнании стоят муки совести. Как могу я, после того как поступили со всеми нами, просто отсиживаться в безопасности? Я должен что-то сделать. Я должен наказать захватчиков.

И вернуть себе трон.

Меня ведет только чувство справедливости. Я стараюсь не для себя. Я хочу, чтобы были наказаны злодеи, сотворившие такое с невинными людьми – с моей семьей, с моими братьями и сестрой, с родителями и всеми нашими родственниками.

Пусть мои родители гордились бы мной и так – я не могу испытывать ничего, кроме стыда, за то, что до сих пор жив и ничего не предпринял, ничего не сделал с

этим даром судьбы.

Ведь жизнь дана мне не просто так...

Уже шесть лет, как я скрываюсь в Хань.

За эти шесть лет я прошел через несколько войн, но так и не приблизился к своей главной цели. Я на хорошем счету у императора, но у себя на родине я считаю мертвым. Могу ли я смириться с этим? Нет.

Кровь Блюбеллов кипит во мне и вызывает о мщении.

Я ведь единственный, кто остался.

Я прошел столько сражений без единого ранения, что у меня не осталось сомнений – это фаэ берегут меня, даже в изгнании фаэ ждут, что я вернусь и возьму свое.

У тех, кто занял мое законное место, нет и капли крови фаэ в жилах, но они считают, что могут диктовать свои условия по праву сильных.

О нет.

Ничего они не могут, и я это докажу.

Завтра утром корабль отправится в Лунден-бурх.

Я ступлю на его палубу, и в этот миг вспыхнут и сгорят до горстки пепла все мосты, которые только остаются за моей спиной. Все распоряжения отданы. Император прикипел ко мне как к сыну и с тяжелым сердцем отпустил, но и он понимает, что власти над мной не имеет.

Никто не может удержать меня на моем пути мести и крови. Никто.

Я буду осторожен.

Буду действовать с оглядкой, сдерживать свой нрав и делать все аккуратно. Нельзя позволить чувствам взять

верх надо мной – мне предстоит обуздать их, чтобы
добиться своей цели.

Скоро весь мир услышит обо мне.

Это будет очень, очень громко.

Глава 2

Бей или беги

– Ну кого еще принесло? – ворчливо спросил Джон Ортанс, выбираясь из мастерской.

Выход оказался намертво перегороженным сваленными в кучу листами железа. Ортансу пришлось изогнуться и в два гигантских шага преодолеть препятствие, о котором он успел совершенно позабыть.

Впрочем, стоило ему увидеть гостя, и груда железа вместе с прочими делами отошла на второй план.

– Снова барахлит? – сочувственно спросил он.

Гость кивнул.

Он сидел на диване, скромно сложив руки на груди. Как и все ханьцы, он отличался небольшим ростом и способностью занимать мало места. Ни механическая рука, ни пластина, закрывающая искусственный глаз и половину головы, не могли повлиять на способность казаться незаметным.

Однако Ортанс его замечал. Еще как замечал, ведь именно ему приходилось раз за разом исправлять несовершенства механических протезов.

– Что произошло? – требовательно спросил он, останавливаясь перед ним. – Цзиянь?

– Упал, – кратко ответил Юй Цзиянь, не поднимая глаз.

Ортанс нахмурился. Знал он, как иной раз Цзиянь «па-

дал». Равно как и знал отношение лунденбурхцев к ханьским выходцам.

Широко распространялось мнение, что ханьцам не место на священной земле фаэ. Парламент только разжигал ненависть между народами, никак не пытаясь исправить ситуацию. А все потому, что император Хань пытался предоставить убежище королевской семье.

Теперь ненависть распространялась на всех ханьцев – даже тех, кто давно оставил родную землю.

Впрочем, Ортанс был уверен, что история с королевской семьей – всего лишь оправдание для предрассудков, позволяющих ненавидеть кого-то за другие черты лица или цвет кожи. Или акцент, едва заметный во время разговора.

Много ли людям надо...

Ортанс сжал кулаки.

Хотелось вытрясти из Цзияня все приметы и отправиться потолковать по-мужски, с глазу на глаз, но не расскажет же.

И как его угораздило подружиться именно с таким гордым, закрытым и немногословным человеком, как Юй Цзиянь?

– И насколько сильно вы упали? – охрипшим от ярости голосом спросил он.

Цзиянь повернул голову, показывая покоренную пластину, заменяющую ему часть лба и щеки. Искусственный глаз закатился под металл, делая лицо Цзияня еще более жутким.

– Пойдемте-ка в мою мастерскую, – выдохнул Ортанс, взяв себя в руки. – Попробуем вас починить.

– Там, кажется, сильно сломалось, – виновато проговорил Цзиянь.

– Сильно – не сильно, разберемся, – проворчал Ортанс. – И за что мне такое горе?

В конце концов, подумал Ортанс глядя, как Цзиянь преодолевает препятствия перед дверью, могло быть и хуже. Цзиянь мог остаться со страшным шрамом и без глаза.

Цзиянь мог просто не выжить.

А мелочи вроде погнутых деталей и механизмов, позволяющих ему видеть и существовать, – сущие пустяки. Джон Ортанс справлялся и не с таким.

* * *

Юй Цзиянь уже сотню раз проклял сегодняшнее решение выйти из дома. Он провел все утро за разбором писем и хотел размяться, прогулявшись вниз по Ризен-стрит до Роуз-парка.

Сразу за порогом его подстерегали едва ли не все лунденбургские приметы, сулившие несчастье. Черная, как ночь, кошка перебежала дорогу и едва не запуталась в ногах – Цзиянь с трудом удержал равновесие. И в следующий момент, не успев перевести дух, с крыши соседнего дома упал кусок черепицы.

– А еще древняя столица фаэ, – пробормотал Цзиянь, осторожно обходя рассыпавшиеся по булыжной мостовой куски глины.

Теперь он думал, что все это было не случайно.

Суеверные жители Лунденбурха могли перенести встречу или отменить дела только из-за того, что с ними случилась какая-то из примет.

Возможно, вернись он домой и продолжи заниматься делами – ничего страшного с ним не произошло бы. Признаваясь Ортансу в случившемся, он в самом деле слегка приукрасил события – ему не хотелось лишний раз пугать друга. Слишком уж близко к сердцу принимал он все, случающееся с ним.

Цзиянь не прошел и квартала, как из-за поворота показались трое. Судя по виду и потрепанной одежде – рабочие, которых в этом районе города было большинство. В основном они работали на угольных шахтах, а те, кому не хотелось задыхаться в пещерах, считали большой удачей стать водителем кеба или торговой повозки.

Судя по чистым рукам и жилетам – как раз возниц Цзиянь и повстречал. Он хотел проскользнуть мимо них, но трое мужчин шли рядом, перекрывая дорогу, и явно не собирались уступать дорогу не вовремя подвернувшемуся прохожему.

– Нет, вы подумайте! Он просто взял и развернул нас – мол, спасибо за интересную беседу, я свяжусь с вами, если

сочту необходимым. Ну каков наглец! – говорил один, сминая в пальцах папиросу.

– Согласен, несусветная наглость! – вторил его товарищ.

– Оторвал от дел честных людей! – восклицал третий, пересыпая речь отборными ругательствами. – Тащились, ждали, а все зачем? Чтобы нас вытурили из-за профурсетки!

– И чем только его взяла...

– Известно чем! Юбками да тем, что девицы под юбками прячут, тыфу, ярость одна берет!

– Так у нее ж там небось штаны!

Троица шла вперед, словно не замечая Цзияня.

Тот, что крутил папиросу, толкнул его в плечо. Цзиянь пошатнулся, но устоял на ногах.

– Простите, мистер... – попытался возмутиться он, и тотчас же твердые пальцы впились ему в плечо.

Цзиянь носил шляпу и длинные волосы, скрывая пластину и искусственный глаз, а механические детали тела прятал под сюртуком и перчатками. Но при такой хватке рабочий не мог не почувствовать металл.

– Хэй, парни! Да он из этих... Из прогрессивных! – крикнул он и захохотал.

– Оставь, Джо! – попытался одернуть его приятель, но тот только отмахнулся.

– Нет, вы гляньте, Рик, Томас! Кто это тут у нас такой металлический! – Он толкнул Цзияня к стене.

Цзиянь ударился об стену – живое плечо пронзило болью.

Цилиндр упал в грязь, скопившуюся в щербинах между булыжниками.

– Да вы поглядите! – зло обрадовался Джо. – Ханец!

Джо схватил Цзияня за подбородок, с силой поднял его лицо. Теперь скрыть металлические пластины на месте шрамов не представлялось возможным.

– Ур-род, – сплюнул Джо. – Вот из-за таких уродов, как ты, Бриттские острова скоро пойдут ко дну.

– Джо, послушай, – Рик мягко взял его за локоть, намереваясь отвести в сторону, но Джо грубо оттолкнул его.

– Не желаю ничего слушать! Все из-за таких, как он. И девка тоже – были нормальные девки, а теперь что творится? Где видно, чтобы девки унижали мужчин?

– Он тут при чем?

– Да ты посмотри на него! Уродец цирковой, а расхаживает по нашей – по мужской, по бриттской! – земле фаэ как у себя в уродливой Хань!

– А чё металлический? – вдруг встрял Томас.

Видно было, что и ему не терпелось на ком-то сорвать злость.

Цзиянь не вполне понимал причину такой злобы, но это было и ни к чему. Что бы ни вызвало такого отношения со стороны рабочих, они в любом случае намеревались выплеснуть ее здесь и сейчас – раз подвернулась подходящая жертва.

Память любезно предоставила похожий случай, и голос,

уверенно шепчущий на ухо: *«Либо бей, либо беги. Третьего не дано».*

Бить Цзиянь не умел и не желал учиться – как бы ни требовали обратного обстоятельства. Потому для него никогда не оставалось выбора. Он развернулся и бросился вниз по улице в надежде, что рабочие не сразу сообразят, что случилось. Он недооценил их ловкость.

– Ты это куда? – Томас схватил его за запястье, скривившись, когда голые пальцы коснулись металла. Перчатка задралась, обнажая металлический корсет. – Мы с тобой не договорили!

– Говорю же, вежливости их еще учить и учить! – рявкнул Джо. – Поприезжали тут, желтомордые... Ууу, морда, бесишь!

– Но не так бесишь, как девчонка, – добавил Томас.

Цзиянь бросил испуганный взгляд поверх их плеч – на третьего, не вмешивающегося пока рабочего. Кажется, его звали Рик.

Их взгляды пересеклись. Цзиянь молча умолял о помощи – уйми своих товарищей, ну же, никто не хочет проблем... Рик пожал плечами и отвернулся.

– Девчонка свое получит, – пообещал Джо. – Но сначала разберемся с этим.

Первый удар пришелся по металлической скуле. И сразу за ним второй – по живому. Цзиянь тихо выдохнул, прикусив губу от боли. Он не мог бить в ответ – и дело не только в

том, что он был слаб. Мысль о том, чтобы причинить боль живому существу, противоречила его натуре.

«Глупец. А если зверь придет тебя убивать?»

Даже когда звери пришли убивать.

Но Цзиянь сомневался, что рабочие в самом деле убили бы его... нарочно. Вот в случайность верил – об этом говорили их упоенные лица в тот момент, когда они били его, нанося хаотичные, болезненные удары. Удар коленом в живот лишил воздуха, удар локтем по спине вышиб искры из глаз.

Долго так не протянуть – Цзиянь это понимал, как понимал и то, что шанс на побег упущен. Его держали крепко, зажимали у стены, и вырваться не представлялось возможным.

Томас схватил его за волосы и, оттянув голову, с силой ударил лицом об стену. Металлическая накладка лязгнула, но выдержала. Цзияню не хотелось думать о том, что будет, если им придет в голову содрать с него железные детали. Томас протащил его лицом по стене и откинул на руки к Джо, чье колено пришлось ровно на почки.

– Парни! – сипло крикнул Рик.

Цзиянь не видел вмешавшегося – только трость, взмывшую в небо и опустившуюся на голову Джо. Цзиянь воспользовался тем, что хватка ослабла и Джо мешком осел на землю, и бросился вниз по переулку, не разбирая дороги. Вылетевший из-за поворота кеб задел его и уронил в грязь, протащив за собой. Лошади поднялись на дыбы, но возница, ничего не заметив, ударил их кнутом. Цзиянь пытался понять,

что происходит. А вышло то, что фалда сюртука зацепилась за металлическую подножку кеба, и он едва успел выпутаться из сюртука. Инерция закрутила его, и он упал на пыльную землю.

Сюртук развевался как флаг – подножка держала крепко. Дрожа, Цзиянь встал на колени, отдышался и осторожно поднялся на ноги.

– Вот дела, – усмехнулся он. – Дважды чуть не погиб за какие-то полчаса.

Он обернулся.

Никому не было до него дела.

Незнакомец – спаситель! – исчез, рабочие были заняты тем, что приводили в чувство Джо. Цзиянь, прищурившись, разглядел кровь на бритом виске Томаса. По всему видно, что от трости им неплохо досталось.

Цзиянь пошатнулся и пошел вперед, не дожидаясь, пока о нем вспомнят. Лицо саднило, в пояснице неприятно простреливало, но надо было идти. Некогда ощупывать себя и выяснять, не переломали ли ему кости булыжники Ризен-стрит.

С мечтой о безмятежной прогулке среди цветущих розовых кустов пришлось расстаться. Цзиянь не понимал, насколько сильно повреждено тело, но металлическим деталям пришлось однозначно хуже. А во всем Лунденбурхе был только один человек, которому он мог доверить свои протезы.

Джон Ортанс.

Его мастерская находилась в паре кварталов – около получаса неспешным шагом. Цзиянь подумал было, что неплохо бы поймать кеб, но вспомнил, как, должно быть, красиво выглядит, разукрашенный сначала тремя рабочими, а потом мостовой. Цилиндр он тоже успел потерять в потасовке, и вид имел совершенно неприличный.

Будучи ханьцем, Цзиянь старался соблюдать приличия вдвойне. Это лундербуржцы позволяли себе отход от традиций – особенно после того, как случился Призыв Просвещений. Но, как говорили элладцы, что дозволено Юпитеру, не дозволено быку.

А что дозволено жителям Бриттских островов, с рождения впитывающих силу фаэ и соль земли, то недозволено ханьцам. Особенно таким, как Цзиянь.

Прихрамывая, Цзиянь свернул с Ризен-стрит и направился в сторону мастерской Ортанса.

Только бы он оказался дома.

Только бы не отказался помочь.

* * *

Джон Ортанс очень удивился бы, скажи ему кто-нибудь, что он может отказать Юй Цзияню хоть в чем-то.

Их дружба, хоть и не была проверена годами и невзгодами, все-таки была довольно крепкой. Потому что нет креп-

че дружбы, чем та, что связана общими интересами. В интересы Джона Ортанса входило обеспечение полной функциональности механизмов Юй Цзияня. В интересы последнего входила жизнь, за которую тот порой цеплялся с упорством утопающего, то ли разучившегося плавать, то ли никогда не умевшего.

Для Ортанса оставалось загадкой, кто, когда и – главное – по какой причине сделал это с Цзиянем. Правая рука, легкое, бедренная кость, ступня и глаз. Набор механических протезов удивительно тонкой работы...

Юй Цзиянь не говорил о прошлом.

Уходил от любых вопросов, переводил тему, резко замолкал – но никогда не отвечал ни на прямые вопросы друга, ни на очень хитрые, заданные исподволь, словно бы просто так.

Все, что Ортанс знал, – это то, что Цзиянь как-то попал в мясорубку, связанную с побегом королевской семьи в Хань. Именно в то время и произошло что-то (Ортанс подозревал взрыв), что искорежило Цзияня, но не убило. И нашлись умельцы, заделавшие прорехи – вот только кто бы они ни были, они остались в Хане.

И не было человека, кроме Джона Ортанса, кто мог бы теперь помочь Цзияню.

Протезы оказались несовершенными.

Кто бы ни был столь талантливым, чтобы создать их, он явно планировал их как временную меру – до появления более совершенных технологий или же совершенного лечения.

По причине, Ортансу неизвестной, этим планам не суждено было сбыться. И Цзияню приходится жить с тем, что есть.

– Не хотите рассказать, как именно упали? – спросил он, сдвигая на нос очки с регулируемыми линзами – совершенно необходимый в такой тонкой работе инструмент.

Цзиянь опустил в кресло и положил руку на железные подпорки. Ортант принялся раскручивать болты тонкой отверткой.

– Ничего особенного. Просто... Не вовремя решил погулять.

– В этой фаэ забытой стране сложно понять, когда удачный момент, а когда нет, – пробормотал Ортанс и продолжил работу.

Он знал, как его друг ненавидит жаловаться. Признавать слабинку. Быть уязвимым. И оттого сложнее становилось помочь ему хоть с чем-то: Цзиянь словно считал, что должен перед всем миром выстоять один.

Или перед какими-нибудь уродами-расистами, считающими, что на Бриттских островах есть место только для потомков фаэ. Хотя уж как-то раньше здесь уживались и с элинами, и с франками. Чем ханы так не угодили?

– Все было бы хорошо, если бы не кеб, – сказал вдруг Цзиянь.

Ортанс дернулся от неожиданности и едва не поцарапал концом отвертки металлическую пластину протеза. Цзиянь умел так молчать, что словно пропадал из пространства и

возникал вновь – неожиданно для собеседника.

– Кеб в самом деле был? – усмехнулся он. – Только кеб?

– Не только, – ответил Цзиянь. – Но если бы не было кеба, я бы остался при сюртуке... И намного более целым.

– Все потому, что эти возницы слишком гоняют, – кивнул Ортанс. – И совсем не сдерживают лошадей. Ничего, рано или поздно кто-нибудь заменит животных машинами. Все к этому идет. Будут ездить паровые кареты, медленно вписываясь в повороты. И никаких несчастных случаев.

– А у карет будут возницы?

– Конечно.

– Тогда несчастные случаи будут, – жестко произнес Цзиянь и снова замолчал.

Ортанс пожал плечами и вернулся к работе.

Протез состоял из нескольких металлических пластин, подвижных и повторяющих форму руки. Часть из них заходила на пальцы, из-за чего Цзияню тяжело было левой рукой писать или брать что-то со стола. Нервные окончания в его пальцах потеряли чувствительность, поэтому благодаря протезу он мог хоть что-то. И все же хорошо, что это была не правая рука.

Одна из пластин оказалась покорежена – так, словно кто-то проехал по ней копытом. Или колесом. Или даже с силой наступил тяжелым ботинком. Ортанс поцокал языком. Одно дело – пересобирать пластины и проверить крепления, и совсем другое – полностью заменить часть чужой технологии.

Не то чтобы ему ни разу не приходилось это делать, но каждый раз сопровождалось проблемами.

Он распрямился и подкрутил линзы очков.

– Сидите и не двигайтесь, – велел он.

Цзиянь не пошевелился. Ортанс отвел прядь смоляных волос с его лица, чтобы рассмотреть пластины на лице. И здесь погнуто, вылетело несколько креплений, и из-под разошедшихся кусков металла проступает обожженная кожа.

Без потерь была только шея. Цзиянь ослабил галстук, чтобы Ортансу проще было проводить осмотр, но механик уже убедился – там все крепко.

– Раздевайтесь. Мне нужно посмотреть, что с грудной клеткой. Крепко вас приложило...

– Поверьте, Джон, это еще ерунда, – невесело усмехнулся Цзиянь, вставая с кресла.

Пуговицы жилета и рубашки он расстегивал одной рукой, не решаясь напрягать травмированную. Вскоре Ортанс рассматривал вмятину на широкой пластине, закрывающей треть грудной клетки и буквально впаянной в нее: здесь механика креплений была особенно сложной. И, по мнению Ортанса, жестокой. Какую же боль должен был терпеть человек, что прямое соединение металла и живой кожи кажется ему... допустимым?

Цзиянь никогда ему не рассказывал. И Ортанс сомневался, что когда-нибудь узнает ответ.

Юй Цзиянь терпеливо ждал, пока Ортанс закончит осмотр.

Ему ничего не оставалось, кроме как надеяться на волшебные руки друга, которым поддавался любой механизм, и на то, что утреннее происшествие не сильно навредило протезам. Он привык ходить с металлом в теле. Привык двигать механической рукой как родной и смотреть одним глазом, и даже привык к тому, что они все время ломаются. Но заменять детали ему еще не доводилось.

– Боюсь, кое-что надо заменить, – с сожалением сказал Ортанс.

Цзиянь похолодел.

– Да все не так страшно... – начал он.

– Цзиянь! – Ортанс поднял руку. – Друг мой, вы сильно пострадали. Сильнее, чем пытаетесь мне показать. Совершенно зря: вы же не будете пускаться в бесполезную браваду перед доктором? Вот и передо мной не стоит. Я ваш механический доктор.

– И какой диагноз мне поставит мистер доктор? – улыбнулся Цзиянь краешком губ.

– Слишком гордый и вспыльчивый нрав. С этого начинаются почти все проблемы, мистер Цзиянь. Или вернее – хоу Цзиянь?

– Я не был хоу.

– А кем же были?

– Военным. – Это был первый раз, когда Цзиянь приоткрыл при нем завесу тайны своего прошлого.

– Так в чем разница?

– Хоу – титул, до которого я не успел дослужиться, вот и все, – пожал плечами Цзиянь. – А теперь ни о каких титулах и званиях и речи не идет, я живу здесь буквально на положении беженца, и вам это известно. Пройдет совсем немного времени, и Парламент решит разорвать все отношения с Хань, лишь бы успокоить народ. Признаться, от этих мыслей я падаю духом.

– А вы не падайте. Мне меньше работы будет, – Ортанс с улыбкой потрепал его по плечу, но глаза оставались серьезными.

– Что, без замены никак? – снова сник Цзиянь.

Ортанс покачал головой.

– Металл, из которого сделаны ваши протезы, не рассчитан на... столкновение с кебами. И на все прочее. Тот, кто вас лечил, не думал, что к вам применимо какое-либо физическое воздействие, так? У вас была неприкосновенность?

– Вроде того. Но выбора, скажем так, тоже не было.

– Я мог бы что-то подправить и сам. Из того, что есть в мастерской. Но это кажется мне ошибкой.

– Что? Почему?

Ортанс убрал руки за спину и принялся шагать взад-впе-

ред по мастерской.

– Слишком тонкая, иностранная работа. Если я примусь восстанавливать вас сейчас, я могу напортачить. А этого я хочу меньше всего на свете.

– Вы можете заказать нужные детали.

– Мог бы. Да не могу. Это займет месяцы. Если не растянется на годы. Вы сами знаете, как обострились отношения с Хань. И раньше поставки были редкими, а сейчас я не уверен, что могу официально выйти на своих поставщиков. По крайней мере, не вызывая лишних вопросов.

Цзиянь сжал в кулаке рубашку.

– И что вы предлагаете?

– Есть только один выход. Мы добудем нужные детали. Но для этого мне придется отправиться в не самые приятные районы нашего города.

Цзиянь побледнел.

– О, нет. Только не контрабандисты.

– О, да, – широко улыбнулся Ортанс. – Если кто и может помочь нам быстро и тихо – только они. Контрабандисты в лунденбургском порту. Навещу их, пожалуй, сегодня же.

– Я отправлюсь с вами!

– Друг мой... Это плохая идея. Очень плохая.

– Вопрос не обсуждается.

Цзиянь отвернулся и принялся застегивать на себе рубашку. Позволить спасти себя, а самому отсиживаться дома – этого он допустить не мог. В конце концов, он не дама в бе-

де, хоть с ним и происходят порой несчастья, он способен за себя постоять.

Это он и намеревался доказать Джону Ортансу.

Из дневника Габриэля Мирта

Лунденбурх, август, 18 год**

...подумать только, мечта, еще пару лет назад казавшаяся несбыточной, вот-вот обретет плоть и кровь. Я стою на пороге открытия, которое перевернет этот мир. Я буду первым, кто сотворит действующую паровую машину.

И тогда мир преобразится. Мы сможем отправляться на дальние дистанции и преодолевать их в считанные часы. Сколько времени освободится для жизни, творчества, поисков, любви!.. Для всего того, что отнимает у человека бесполезная дорога.

Многие говорят, что неплохо бы сотворить такой кеб, чтобы передвигался без лошадей. Или крылья, чтобы летать по небу, подобно Икару. Все эти разговоры отличает их несбыточность. Но оттого ли они несбыточны, что их невозможно воплотить в реальность? Нет! Несбыточны лишь оттого, что, говоря об этом, никто не пытается воссоздать свои фантазии.

Никто, кроме Габриэля Мирта! И, конечно, моего

безвременно почившего коллеги Гилдероя Эконита. Признаться, многими его наработками я пользовался во время работы над созданием паровой машины. А его письма с бесценными советами не раз и не два удерживали меня от ошибок.

Гилдероя Эконита за глаза называли «мечтательным безумцем». Что ж, наверняка и мне в скором будущем светит подобное прозвище. Ничего не знаю и знать не хочу! Я творю будущее. В том числе и в честь Гилдероя.

Пусть его смерть будет не зря.

В скором времени я представлю свое технологическое чудо, получу признание, создам себе имя – кто сейчас знает Габриэля Мирта! – а потом начну претворять в жизнь иные свои планы. Грядет новая эпоха!..

Глава 3

Ателье «Стэнфорд»

Корабль из Хань прибыл ранним утром.

Одиноким пассажир стоял на палубе, глядя на тающие в рассветном тумане шпили и крыши Лунденбурха. Так давно он видел его в последний раз.

Минуло долгих шесть лет.

Он зажмурился и вздохнул. Запах тлена, гниения осени, духов и яблок – запах дома... Он напомнил себе, что вернулся не для того, чтобы ностальгировать о прошлом. Его цель – будущее. Будущее... и месть за то, что сотворили с ним и его семьей.

Он откинул назад длинные черные волосы, часть которых собирал на затылке на ханьский манер в свободный пучок, и открыл синие, как осеннее небо, глаза, стараясь впитать образ спокойного, сонного города.

Скоро от покоя останется только воспоминание.

Время пришло.

Корабль с тихим стуком столкнулся с причалом. Плеснула волна, серебристо-серая, соленая, морская, а за ней пришла вторая – из людей.

Пассажиры начали торопливо выстраиваться в очередь у трапа. Он не торопился – не любил суеты. Хватало и шума вокруг: кричащих детей, женщин, ругающих непутевых му-

женьков, мужчин, требующих пропустить их вне очереди... Он приложил палец к виску. Еще немного, и закружится голова.

Однако портовые службы весьма быстро и умело организовали очередь, и людской поток хлынул по деревянному трапу на бриттскую землю. Он спустился одним из последних. Неспешно передал носильщику номер бирки дорожного сундука, который следовало забрать из багажного отсека, и подошел к распорядителю, ведущему учет людских приливов и отливов.

– Добрый день, сэр, – широко улыбнулся молодой рыжеволосый юноша.

Форму он носил с гордостью и работой своей был по меньшей мере доволен. Приятная неожиданность для того, кто помнил недовольство определяющей чертой лунденбурхца... Впрочем, если судить по акценту, он из каледонцев или вэлласов, а они, будучи в меньшинстве, привыкли оптимистично смотреть на жизнь.

– Добрый день, – сдержанно ответил он и вопросительно посмотрел на юношу: мол, что дальше?

– Мне нужны ваши документы, сэр, – сказал распорядитель. – И вам следует заполнить вот этот бланк. Ничего особенного, сэр. Просто подтвердите, что не везете с собой запрещенного оружия, веществ или чего-то еще запрещенного на территории Бриттских островов. Простая формальность, сэр!

– А если везу? – он хищно сощурился, наслаждаясь проступившей на улыбчивом лице растерянностью.

– Сэр?.. – неуверенно переспросил юноша.

Мальчик же еще! И где они таких набирают.

– Я пошутил, – он улыбнулся одной из самых очаровательных улыбок и, взяв с подставки металлическое перо, начал заполнять формуляр.

Распорядитель тем временем занимался его документами.

– Мистер... Сентер, так?

– Адам Сентер, эсквайр. Находился в Хань с научной экспедицией, а после немного задержался – настолько восхитили местные обычаи, что я буквально влюбился в эту страну.

– Я вижу, сэр, – распорядитель снова широко улыбался. – У вас очень необычный сюртук!

Мистер Сентер бросил быстрый взгляд на свой рукав. Да, теплый чонгсам¹, подбитый мехом, стоит сменить на что-то менее бросающее. За время, проведенное в Хань, он успел привыкнуть к местной одежде и не горел желанием втискиваться в тесные сюртуки и жилеты. Но в Ромине говори по-ромски, а в Лунденбурхе носи черное, серое, неудобное и не забывая смотреть в пол.

Мистер Сентер закончил с формуляром и передал карточку распорядителю.

– Больше ничего, мистер?..

– Смит! – бойко откликнулся юноша.

---

¹ Чонгсам – традиционный китайский наряд.

– Смит. От меня больше ничего не требуется?

– Нет, сэр. Добро пожаловать в Лунденбурх!

– Где я могу найти повозку?

– А, что?.. Простите? А, вы имеете в виду кеб! Вон там стоянка. Любой из возниц с удовольствием вас подбросит. У вас есть бриттские деньги?

– С деньгами у меня все в порядке, – улыбнулся мистер Сентер и, сделав знак носильщику, отправился в сторону, указанную распорядителем.

Кебменов было много – сбились в стаи, подобно голубям, которых в порту было множество, как и чаек, как и ворон. Мистер Сентер выбрал наугад – того, что больше понравился на лицо. Наименее противный из всех.

– Эй, смотри, иностранец! – донесся до него чей-то голос. – Втридорога ободрать можно!

– Добрый день, господа, – обратился он к возницам на чистейшем бриттском без малейшего акцента. – Приятно, когда на родине так встречают. Мне нужен кеб. Ваш!

Рукой в перчатке он показал на приглянувшегося ему кебмена.

– Э, постойте, мистер, у меня тоже есть кеб – и получше развалюхи старого Уилла!

– А у меня вообще новинка, новейшие галльские рессоры, таких нигде в городе не найдете!

– Лапшу на уши не вешай! Ездишь на чем попало!

– Ну, он же говорит, что у него уникальные рессоры!

– Так и ты говори, может, клиентов прибавится, перестанешь бездельничать наконец!

Мистер Сентер усмехнулся и, сжав рукой плечо кебмена Уилла, отвел его в сторону, не дожидаясь конца перебранки.

– Итак, сэр, куда вас доставить? – с подчеркнутой вежливостью осведомился он, пока носильщик закидывал в кеб дорожный сундук.

– Мне нужен портной. И завтрак.

– О, тогда вы точно обратились по адресу. Я знаю прекрасную мастерскую. Говорят, там когда-то обшивали... – он понизил голос, – королевскую семью! Высокое качество и старинные традиции.

– Звучит неплохо, – усмехнулся мистер Сентер. – Тогда доставь меня туда, а после разберемся с завтраком... И со всем прочим.

И он первый прыгнул на козлы.

Старый Уилл только рот раскрыл, настолько легким получился прыжок. Пассажир буквально взлетел на козлы! Самому кебмену пришлось изрядно попотеть, чтобы взгромоздиться на них.

– Отчего не желаете сесть в карету? – спросил он.

– Это обязательно?

– Нет, просто в основном здесь предпочитают ездить внутри.

– Если не обязательно, то предпочту остаться здесь. Внутри мой багаж, он занимает много места. К тому же меня дав-

но не было. Хочу посмотреть, как изменился город.

– Насколько давно? – спросил Уилл, подстегивая лошадей.

Кеб медленно двинулся по площади, постепенно набирая ход.

– А отчего такой странный выбор – сразу к портному? – осмелился спросить старый Уилл. – Вроде бы обычно пассажиры после такой долгой поездки по морю предпочитают скорее отдохнуть в квартире.

– Квартиру еще надо отыскать, – улынулся мистер Сентер. – А я предпочитаю решать дела постепенно. И не думать обо всех проблемах сразу. Вы сказали, что знаете портного – так едем к нему.

– Вы знаете, сэр, – медленно произнес старый Уилл. – Не иначе как вас со мною свела судьба. Мой зять сдает совершенно замечательную квартиру на Ризен-стрит. Видите ли, он женился и, соответственно, переехал вместе с женой – моей дочерью, стало быть, – в чудесный особнячок в Шеффилде. А квартира пустует, нехорошо. Вот он буквально на днях и принял решение, что будет ее сдавать, совершенно недорого. Квартира под самой крышей, сквозняков нет совсем, и цена такая приятная. Может быть, вам ее посмотреть сначала? А потом уже к портному поедем? Я обещаю вас довезти!

– Ну, если вы обещаете, – сощурился мистер Сентер. – Похоже, удача сама идет к вам в руки. Я выбрал удачный кеб. Я с удовольствием посмотрю квартиру вашего зятя. Если она

подойдет мне, готов подписать договор на полгода вперед.

– Всем бы таких клиентов! – едва не подпрыгнул от счастья кебмен. – Тогда меняем маршрут! Курс – Ризен-стрит!

* * *

На самом деле Адам Сентер ничего от квартиры не ждал. Сам не знал, зачем пошел на поводу у кебмена, который, видимо, настолько отчаялся, что готов предлагать жилье первому встречному – неужели совсем нет покупателей? Однако жить где-то надо было. Стоило с чего-то да начать.

Квартира приятно его удивила. Действительно чистая, с большой комнатой с камином, скошенной мансардной крышей и небольшой кухней, расположенной через стену. Из окон открывался вид на крыши и серое лунденбургское небо.

– Если вам по нраву, сэр, можете остаться здесь, а вечером мы с зятьком подоспеем да решим вопрос с бумагами! – сказал старый Уилл.

– С вашей стороны это было бы очень любезно.

Мистер Сентер тяжело дышал, потому как успел сходить за своим дорожным сундуком и поднять его на пятый этаж.

– Прямо здесь и останусь, – усаживаясь сверху, прохрипел он.

Подъем дался ему труднее, чем можно было рассчитывать.

– Ну уж нет! – заявил старый Уилл. – Вам надо к портному, вы сами говорили. Да и завтракать стоит у Молли Монс, вот ни у кого больше вы таких вкусных говяжьих сосисок с фасолью и яйцом в такое время не попробуете, это я вам гарантирую.

– Ладно, – махнул рукой мистер Сентер. – Везите.

– Я уже все продумал. Можем вечера не ждать, заехать за моим зяtkом в его контору, да сразу все порешать. Он же у меня юрист! Пока на частную практику не перешел, да в Шеффилд окончательно не перебрался, вот, сидит, протирает брюки в одной конторке.

– Клерк?

– Да нет, практикует, и клиентов валом... Амбиций только нет, эх, бывает и такое. Но доченьке моей всего хватает, а я уж сам перебыюсь с кебами да лошадами, это я все умею, и умею хорошо.

– Вот и славно, – улыбнулся мистер Сентер.

Старый Уилл остановил кеб около небольшого особняка, в витринах которого были выставлены манекены в изящных костюмах.

– Вот. Ателье «Стэнфорд». Старейшее ателье в Лунденбурхе. Уверен, вас здесь обслужат самым лучшим образом! А я подожду вас пока тут.

– Благодарю.

Мистер Сентер прыгнул с козел и взбежал по лестнице, трижды позвонив в дверной колокольчик.

Дверь отворилась. На пороге стоял высокий, затянутый в шелковый жилет, совершенно седой человек. На вид ему было не больше сорока, а потому седина прибавляла его облику не столько возраст, сколько изысканное благородство.

– Добрый день. Мы только открылись. Рад видеть вас нашим первым клиентом в этот туманный день, – произнес человек и улыбнулся краешком губ.

О. Он был обаятелен. У него этого не отнять.

Мистеру Сентеру нравились такие люди. Они легко располагали к себе, и с ними быстро удавалось находить общий язык.

– Я Ричард Стэнфорд. Прямой наследник того самого фаэ, что когда-то решил шить для людей из украденного шелка фэй.

– Что, в самом деле – первый Стэнфорд был фаэ? – улыбнулся мистер Сентер, проходя следом за мистером Стэнфордом в глубь ателье.

– Совершенно верно. Молодой фаэ Этан влюбился в деву по имени Дженет и ушел в Лунденбурх из Холмов. Старая история. Но, уверяю вас, совершенно реальная. Взял фамилию жены и начал шить такую одежду, что к нему выстраивались очереди... А он обвел всех богатеев вокруг пальца и стал прислуживать лично королю. Это Дженет все устроила, уж это точно. Про эту деву в семье легенды слагают!

– А вы, стало быть, снизошли до обычных людей?

– Обычных... Можно сказать и так.

Первое, что бросилось в глаза Ричарду Стэнфорду, едва он открыл дверь для первого посетителя, – уникальный ханьский шелк, расшитый тонкими нитями, складывающимися в растительный узор. В такой одежде по Лунденбурху мог разгуливать только иностранец, точнее, ханьский гость. Мистер Стэнфорд, вспоминая ханьское приветствие, поднял взгляд на лицо незнакомца, и приветствие замерло на самом кончике языка – перед ним, совершенно точно, стоял чистокровный бритт.

Кожа у незнакомца была бледная, черты лица такие острые, что о них, казалось, можно было порезаться, тонкие губы приветливо улыбались, а ярко-синие глаза оставались настороженными – но только в первый миг, и засияли в ответ на приветствие. От него исходил едва ощутимый запах сандала и свежего мыла.

Волосы же были длинные, ниже плеч, черные как смоль, заплетенные в одну из традиционных ханьских причесок. Ранний посетитель, несомненно, много времени провел в Хань и успел перенять некоторые из их обычаев.

Но сейчас он здесь, и ему наверняка нужен костюм.

По легенде, Этан Стэнфорд никогда не отказывал королю и бедняку. Все, кто находился между ними – зажиточные торговцы, фермеры и их дочери, и прочие толстосумы, – по-

лучали от него отказ, если только заказ не был интересен самому мастеру. Минуло много лет, и вот уже ателье «Стэнфорд» одевает всех желающих, и давно никого, в ком настолько ярко текла бы кровь фаэ, не появлялось на его пороге.

– Вы определенно необычный человек, – сказал Ричард Стэнфорд, направляясь к стойке. – И ваша одежда тому доказательство.

– Я просто долго жил в Хань, – ответил гость. – Мое имя Сентер. Адам Сентер. Я только сегодня утром вернулся в Лунденбурх. Мне кажется, что я чрезмерно выделяюсь на фоне прочих жителей города, поэтому я желал бы приобрести костюм того фасона, который принято носить сейчас.

– Какие предпочитаете ткани?

– Самые лучшие.

– Несомненно.

В том, что у такого человека есть деньги, сомневаться не приходилось. Мистер Стэнфорд подошел к стойке и достал коробку с портновскими принадлежностями. Выложил на стол один за одним: мягкий портновский метр, кусок мыла, игольницу и длинные острые ножницы.

– Мне надо снять с вас мерки.

– Делайте то, что сочтете нужным. Чонгсам будет мешать?

– Если вы можете снять верхний слой одежды, это будет не лишним.

Мистер Сентер быстро прошелся по тканевым застежкам

одежды и скинул чонгсам на руки мистеру Стэнфорду. Тот бережно повесил его на вешалку и вернулся к клиенту. Мистер Сентер стоял в тонких черных шелковых штанах, кожаных сапогах и рубашке с короткими рукавами из тончайшего шелка. Руки он сложил на груди, и на плече под рукавом рубашки можно было разглядеть татуировку в виде круга.

Не круга, понял вдруг мистер Стэнфорд.

Яблока.

Абаллахское яблоко с древних времен было символом прямых наследников королевского рода фаэ. Кому пришлось бы в голову сделать рисунок на теле с таким значением?

Разве только...

Мистер Стэнфорд медленно перевел взгляд с татуировки на лицо мистера Сентера.

– Не задавайте вопросов, – мягко попросил гость. – Я из Хань. Там многие делают татуировки. Но я знаю, что это не одобряется на Бриттских островах.

– Что вы, сэр, – улыбнулся мистер Стэнфорд. – И в мыслях не было. Я скорее поражаюсь удивительным ханьским нарядам. Ваш чонгсам скрывает практичную одежду, в которой можно быстро бегать и даже, наверное, драться. Но при этом, будучи одетым в него, вы производите впечатление...

– Кого? Статуи? – спросил мистер Сентер. – Не бойтесь говорить, мне правда интересно.

– Да. Статуи. Точнее, статуэтки – фарфоровой, которую и тронуть страшно. Однако вы в прекрасной физической фор-

ме и точно дадите любому обидчику отпор.

– Я открою вам один ханьский секрет, – мистер Сентер довольно улыбнулся. – Это можно сделать и в чонгсае.

– Удивительно!

– Однако сейчас я хотел бы приобрести одежду, подходящую моему статусу, аккуратную, элегантную, но при этом не выделяющую меня из толпы.

– И вы пришли в самое правильное место.

Когда с мерками было покончено, мистер Стэнфорд записал их в большую потрепанную книгу и сказал:

– У меня есть несколько образцов ткани, которая могла бы заинтересовать вас.

– Покажите! Я готов на что угодно, – ответил мистер Сентер. – Я уже понял, что основная палитра нынешнего Лунденбурха – это черный, серый и черно-серый в полоску.

– О, вы не совсем правы, – улыбнулся мистер Стэнфорд и удалился в подсобку.

* * *

На портновскую стойку легло несколько образцов тканей. Мистер Сентер восхищенно распахнул глаза – все было намного лучше, чем он только мог себе представить.

Помимо черного и серого твида мистер Стэнфорд показал ему темно-зеленую тонкую шерсть, темно-синий твид в едва различимую полоску и восхитительную ткань песочно-

го цвета.

– Это тоже твид?

– Да. И вы посмотрите, какого качества эта ткань!

– Я не заметил, чтобы многие ходили в коричневых цветах, – проговорил мистер Сентер, но руки у него нервно подрагивали, пальцы то и дело норовили пройти по краю ткани, настолько она была...

Восхитительна.

И идеально бы ему подошла.

– Видите ли, песочные цвета только входят в моду. Сейчас еще немногие распробовали всю перспективу этих оттенков, но еще немного – и подобные ткани вытеснят с улиц угрюмую серость!

– Ну, это вряд ли, – усмехнулся мистер Сентер. – Жители Лунденбурха консервативны, и больше нет короля, который мог бы задавать тон.

– Что очень печально, – согласился мистер Стэнфорд. – Вам глянулся этот твид?

– О да. Очень.

– Я мог бы сшить из него сюртук в классической манере. И такие же брюки. А вот эта ткань нарасхват идет на жилетки. Сочетание зеленого и коричневого вместе с подкладкой из серого шелка. И вам, конечно, понадобятся рубашки?

– Не меньше дюжины. И жилетов, пожалуй, несколько, и разных. К ним же белье и шейные платки.

– И не забудьте о носовых. Все поголовно носят их в кар-

машках.

– Все, что посчитаете нужным, – кивнул мистер Сентер.

На портновский стол легли несколько камней, сияющих в свете газовых ламп.

– Что это? – спросил мистер Стэнфорд.

– Аванс, – пояснил мистер Сентер. – Я еще не обзавелся счетом ни в одном из лунденбургских банков. А драгоценные камни всегда в почете. Если сомневаетесь – отнесите их ювелиру, он подтвердит подлинность и ценность.

Он вновь встретился взглядом с портным.

– Я верю вам, – лицо Ричарда Стэнфорда вновь украсилось улыбкой. – Запишите адрес, куда прислать готовый костюм?

Адам Сентер склонился над портновской книгой и записал аккуратным убористым почерком

Ризен-стрит

117А

Мансарда

– Уж не старый ли Уилл вас ко мне направил? – прочитав адрес, спросил мистер Стэнфорд.

– Он самый. Я снимаю квартиру у его зятя. Так удачно выбрал кеб, что единым махом решил сразу несколько насущных проблем.

– Поздравляю вас, сэр, – очень серьезно сказал Ричард Стэнфорд и протянул руку, – Рад знакомству с вами, мистер Сентер.

– И я рад, – крепко ответил на рукопожатие мистер Сентер. – Надеюсь, у меня легкая рука и клиенты выстроятся в ряд перед ателье.

– Не приведи Маленький народец! – в притворном ужасе воскликнул портной. – Все, не смею больше задерживать вас!

Мистер Сентер покинул ателье и занял место на козлах.

– Все прошло успешно? – спросил старый Уилл. – Я смотрю, вы при прежней одежде.

– Я не ношу готовые костюмы, – с достоинством ответил мистер Сентер. – Я заказал новый.

– И как думаете, быстро сошьют?

– О, я уверен, что очень быстро.

А еще я уверен, что этот портной, в чьих жилах течет кровь фаз, понял, кто я такой. И это должно было бы вселить в меня страх... Отчего я чувствую радость?

Из дневника Джеймса Блюбелла

Хань, май, 18** год

...и уверяю, что достаточно пришел в себя после того взрыва, чтобы наконец набраться сил и исполнить свой план.

Это будет непросто.

Впереди у меня много дней, часов, минут, каждая из которых будет посвящена единственной моей цели – мести.

Кровь моей семьи требует отмщения.

Кровь фаэ, впитавшаяся в землю Бриттов во время безумства, прозванного Призывом Просвещения. Само название звучит оскорбительно, издевательски. Кому только пришло в голову назвать Просвещением кровавую бойню? Толпа восставших против веками устоявшегося режима – и несколько беззащитных людей, из которых половина не умела сражаться?

А мой кузен, трус, отсиживается за океаном, отрекшись от престола, и даже не выразил публичного соболезнования. Просто закрыл глаза на произошедшее. Все закрыли.

Королевская семья правила Бриттами с тех самых времен, как Озерная дева дала первому Королю меч и яблоко. То самое авалонское яблоко, надкусив которое, Король-Медведь обратился в человека и стал править вместе с Озерной девой, и потомки их также по праву властвовали над этой землей. Моей землей.

Король-Медведь был первым из династии Блюбеллов. Голубой колокольчик переплетался на его гербе с веткой священного мирта, и так было веками – веками! – пока герб этот не оказался объят огнем и выпачкан в крови фаэ. Мою мать убили у этого герба. Она пыталась его спасти. Спасала честь нашего рода ценой собственной жизни. Что за женщиной она была! Настоящей королевой. Уже только ради нее стоит

посвятить остаток жизни только лишь мести.

А мой отец... Сражался как медведь, неистово и страшно, но что один человек может сделать против толпы? Он не хотел бежать. И сестра не хотела. Сестра... Как можно было так поступить с невиновной девочкой... Интересно, они ведь в своем Парламенте заседают в тех же палатах, где насадили ее на пики? Ходят по коридорам, по которым протащили ее тело? Каково им, лишенным совести, жить и править Островами?

Я не хочу знать. Мне это не интересно.

Я выжил не для того, чтобы задавать вопросы. Я выжил, чтобы отомстить...

Глава 4

Дочь своего отца

Мисс Амелия Эконит с удивлением рассматривала каменную горгулью. Никогда еще подобные существа не угощали ее чаем! Не говоря уже о том, что она и помыслить не могла вообще встретить их когда-либо в своей жизни.

– Вы не выглядите пораженной, – полувопросительно заметил мистер Мирт, усаживаясь в кресло напротив.

Горгулья, тяжело переступая каменными лапами по полу, отправилась к дверям – для того чтобы принести еще одну чашку чая и печенье.

– А ваша цель была меня поразить? – лукаво сощурилась мисс Амелия.

– Моя цель... Нет, не была, но... – мистер Мирт смущенно рассмеялся. – Я рассчитывал, что Поуп произведет на вас впечатление.

– Поуп?

– Горгулья. Его так зовут.

– Признаюсь, он выглядит необычно. Ни разу не доводилось встречать свободно разгуливающих каменных великанов.

– Неудивительно, ведь большинство из них оказались похоронены под толщей земли еще во времена Уильяма Блюбелла Третьего. Говорят, все произошло потому, что он

рассорился с Королевой Фаэ и решил проучить ее и доказать, что смертные способны совершать подвиги без помощи армии фаэ. И направился войной на каменных великанов. А так как кровь фаэ, текущая в отпрысках королевского рода, давала возможность ими повелевать... Это была не слишком красивая, но зато очень быстрая победа. Король Уильям отдал приказ завалить каменных великанов заживо. Говорят, они до сих пор спят где-то под холмом.

– И только голос истинного короля вернет их к жизни! – подхватила Амелия. – Но он... я хочу сказать, Поуп же не под холмом, а прямо в вашей гостиной?

Мистер Мирт сделал глоток из чашки и откусил кусочек шоколадного печенья, прежде чем ответить:

– Определенно он здесь. Признаться, без него такой рассеянный холостяк, как я, не справился бы со всей этой грудой бытовых проблем, которая предпочитает с каждым днем разбухать, увеличиваясь в размерах, вместо того чтобы незаметно исчезнуть. Что бы я без него делал!

– Обычно люди в таких случаях заводят дворецкого. Или домохозяйку.

– Люди! – воскликнул мистер Мирт. – В святая святых – моей мастерской! Нет уж, туда я готов пустить только Поупа.

Мисс Амелия усмехнулась.

– А откуда он появился? Выкопали из-под холма?

– Что вы! Разве мой голос похож на голос истинного короля? Скорее на голос усталой вороны, – мистер Мирт сно-

ва рассмеялся – звонко, по-мальчишески, чем окончательно покори́л мисс Амелию. – Поуп жил в доме моего приемного брата. Точнее, это я был приемным братом. Когда я открыл свое дело, то погряз в быту и несколько раз жаловался на тяготы жизни. А он, в свою очередь, уезжая на материк, отдал Поупа мне в помощники. С тех пор мы живем душа в душу. Не представляю без него своей жизни.

– Вы весьма любопытный человек, мистер Мирт... Габриэль, – улыбаясь, сказала мисс Амелия. – И крайне неординарно смотрите на вещи.

– Вы клоните к тому, что я выбрал вас еще до того, как узнал, чья вы дочь?

– А... Это на что-то повлияло? – удивилась мисс Амелия. Без возможности узнать правду об отце и его смерти, живя среди тишины вокруг его имени, Амелия постепенно смирилась с тем, что его предали забвению. Поэтому слова Габриэля Мирта застали ее врасплох.

– Ну конечно повлияло! – мистер Мирт всплеснул руками так, что чай только чудом не покинул чашку.

Поуп невозмутимо протянул каменную руку и забрал ее – во избежание.

– Вы – не просто сокровище, Амелия, вы чудо! Мог ли я молиться о таком Маленькому Народцу? Даже у них не нашлось бы кого-то более подходящего! Да даже будь вы просто так девушкой, решившей покорить паровую машину, я уже – я сразу! – решил, что вы подойдете. Если не испугаете.

тесь, конечно, узнав все подробности. А то на словах – паровая машина да паровая машина, что это такое? Вы восхититесь. Или ужаснетесь. Никакие схемы и картины не дают представления о моем изобретении. Только воочию увидев... Впрочем, я отвлекся. Ушел в сторону. Мисс Амелия, вы – дочь человека, пред которым я глубоко преклоняюсь. И чью смерть оплакивал так безнадежно, словно потерял собственного родителя.

– Вы... знали моего отца? – растерянно спросила Амелия, сметенная волной его эмоций.

– На мою беду, я почти не был знаком с ним, – сокрушенно признался мистер Мирт. – Лишь по переписке и через его труды. Оттого мне кажется, что я знаю его, как близкого друга. Я изучил все, что только можно найти в доступе. Я вступил в клуб, в котором он состоял, и говорил с его товарищами после его гибели... Увы, столь многое утеряно! Но даже то, что мне удалось собрать...

Он вскочил на ноги и подбежал к запертому книжному шкафу.

Сорвав с груди медный ключ, он отомкнул дверцы и распахнул их. Мисс Амелия пригляделась и ахнула.

Все полки шкафа занимали труды ее отца.

Изданные книги, рукописи, схемы, рисунки... Они были прикреплены к дверцам шкафа изнутри, лежали стопками на полках, придавленных пресс-папье...

– Амелия... – проговорил мистер Мирт, от волнения за-

быв про должную вежливость. – Здесь – все наследие вашего отца. Я сохранил его, потому что мир не представляет – не может сейчас представить их значимость. И я думал, что я один буду хранить у сердца его секреты до тех пор, как не придет пора выпустить его изобретения на свет, пока они не вылупятся, подобно бабочкам, из тесных коконов теорий... Но вас сюда привела судьба. Я не верю в провидение, не верю во все подобное, но иначе не могу объяснить, что именно вы сегодня пришли на мой отбор и были так хороши, что прошли его сразу. Ваши горящие глаза... Это лучший комплимент всей моей работе. Но вы – и его дочь...

Он вздохнул и прикрыл лицо руками.

– Мисс Эконит, перед нами открывается такое будущее... Вы не пожалеете...

* * *

Габриэль Мирт смотрел, как мисс Амелия, дрожа, подходит в шкафу, медленно снимая перчатки, и ликовал.

Такая удача.

Он не мог и предположить. Когда он собирал по кусочкам свою коллекцию восхищения – преклонения! – перед Гилдером Эконитом, он понятия не имел, какой алмаз попадет в его руки.

Неограниченный. Блистательный.

Амелия осторожно взяла в руки один из дневников и мед-

ленно перелистнула страницы.

– Я сохранила некоторые папины дневники. Которые... не забрали, – тихо проговорила она. – Я отдам их вам.

– Позвольте, не стоит...

– Стоит, – резко сказала она. – У вас они точно будут в сохранности. И вы найдете им достойное применение. Вы создали паровую машину, используя чертежи отца.

– Да, это так. И я даже не намерен отрицать это. Я был вдохновлен его идеями – пусть они казались мне безумными поначалу.

– Они всем казались безумными, – грустно заметила Амелия. – Иначе они бы не обвинили папу и не забрали его в бедлам.

– Эти звери... – прошипел мистер Мирт. – Любят ломать все уникальное, прекрасное, что только рождается в мире. Вытаптывают подснежники в весеннем лесу. Убивают оленей. Запирают гениев в сумасшедших домах – только чтобы выкрасить мир в единственный понятный им цвет. В серый.

– Я согласна с вами, – кивнула Амелия, сжимая в руках дневник. – Я так счастлива узнать, что в него верили. Что нашелся кто-то, согласный с его замыслами. Он был бы так рад познакомиться с вами лично.

– Мне не выпало такого шанса. Но со мной случились вы.

– Если вы думаете, что я хоть что-то знаю о его работе, вы ошибаетесь, – понурилась мисс Амелия. – Я проводила дни напролет, слушая его, мастера вместе с ним, но так ничего

и не поняла.

– Амелия, Амелия, – Габриэль Мирт осторожно коснулся ее плеча, заставляя посмотреть на него. – Вспомните, что я обратил на вас внимание сразу, как только вы вошли в эти двери. Умная, смелая женщина, не побоявшаяся осуждения и обсуждения, пришла сюда за тем же, за чем и множество мужчин – и получила это. То, что вы дочь Гилдероя, делает особенно значимым этот момент, но вы важны и сами по себе.

– Но теперь я смогу вернуть обществу веру в отца. И в то, что он делал.

– Да. Сможете. Потому что то, что казалось его безумием, оказалось не так-то сложно воплотить в жизнь. Хотя я и потратил на это несколько лет жизни, но вот увидите: пройдет совсем немного времени, и паровые машины из великого чуда станут обыденностью.

– Но начнем мы все-таки с чуда, – Амелия наконец-то улыбнулась, и мистер Мирт вздохнул с облегчением.

Неожиданный разговор о Гилдерое с его дочерью отнял у него все силы. Он присел на подлокотник кресла и запустил руки в волосы.

К его бесконечной благодарности Амелия ничего не стала говорить. Просто молча вернулась в свое кресло и смотрела на него невероятными вишневыми глазами.

– Понимаете... – мистер Мирт наконец отпустил свои волосы и сцепил пальцы вокруг колена.

От этих телодвижений он стал еще сильнее походить на воробья.

– Паровая машина – это настоящая революция. Истинное просвещение. А вовсе не то, что понимает под этим наш дорогой Парламент. Я не знаю, как вы относитесь к Призыву Просвещения, Амелия, но, учитывая судьбу вашего отца, подозреваю вас в отсутствии всякого переживания.

Взгляд мисс Амелии стал жестче.

– Да. Призыв Просвещения стал началом конца моего отца. Он был близок к королевской семье. Пусть в нем и не текла кровь фаэ – но его тонкий ум был высоко оценен Блюбеллами.

– И все это знали. Парламент очищает пространство от сторонников павшего короля и его семьи. Возможно, это предусмотрительно с их стороны. С моей – отвратительно.

– Я не пыталась оценивать так глубоко, – ответила мисс Амелия. – Но сама мысль об этом пробуждает во мне гнев.

– Как и во мне. Отчасти поэтому я дошел до конца и не сдался, даже когда казалось, что я никогда не создам действующую паровую машину. Меня преследовала череда неудач. Пару раз я даже мог погибнуть. Но я добился своего – и первыми гостями, которых я хочу провести в прицепленном вагоне, как раз будут члены Парламента. В этом году Выставка особенная. Мистер Черч – это устроитель – сказал, что сам господин Чэйсон Уолш покинет стены Парламента и лично осмотрит все экспонаты на Выставке! А так как паро-

вую машину можно оценить только в движении, я задумал проехать по дороге до дворца Цикламенов и вернуться обратно. Вообразите их лица!

Мисс Амелия задумчиво посмотрела на мистера Мирта.

– Из вашей лекции я поняла, что нужны специальные приспособления – сама по себе машина двигаться не может? Как если бы это был кеб без лошадей?

– Не может, – кивнул мистер Мирт. – Наблюдение верное. Специальные рельсы – как у вагонеток в угольных шахтах – позволят ему перемещаться на то расстояние, на которое они положены. А паровое устройство даст ему импульс.

– Так зачем нужен водитель? Если паровая машина способна передвигаться сама?

– Потому что необходим тот, кто возьмет над ней контроль уверенной рукой. Кто сможет отправить ее в путь – и остановить, когда будет надо. Паровая машина огромна. В неумелых руках она может многим навредить.

Мисс Амелия улыбнулась.

– Вы описываете свою паровую машину, точно фермер – норовистую лошадь!

Мистер Мирт усмехнулся краешком рта.

– Может быть, и так... Но... Да что я распинаяюсь? Сами все увидите. Хотите посмотреть прямо сейчас?

Он увидел, как глаза Амелии восхищенно расширились.

– Да. Да, конечно хочу!

– Что ж. Тогда едем. Немедленно!

У Габриэля Мирта была повозка, которой он управлял самостоятельно. Не самая удобная карета для поездки с дамой, однако возможность добраться куда угодно самостоятельно это компенсировала в полном объеме.

– Могу я поехать на козлах? – немедленно спросила мисс Амелия.

– Кто я такой, чтобы вам возражать! – улыбнулся он и помог девушке забраться на козлы. Обошел повозку с другой стороны, похлопав лошадей по носу, и сел рядом.

– Многие не соглашаются возить меня на козлах, – пожаловалась мисс Амелия. – Из-за того, что я девушка.

– Глупости какие, – фыркнул мистер Мирт. – Я собираюсь доверить вам паровую машину. Почему бы вам не ехать в повозке там, где вы сами сочтете нужным?

– Знаете, Габриэль, – вздохнула мисс Амелия. – Если бы все мужчины были такими, как вы... Я, должно быть, уже вышла бы замуж.

Мистер Мирт ответил ей долгим взглядом.

– Я рад, что все мужчины не такие, как я, – тихо ответил он, отвернулся и натянул вожжи.

Ехали достаточно долго – мисс Амелия успела заскучать, глаза по сторонам. Особняк мистера Мирта находился практически в центре города, в то время как павильон, со-

бранный специально для его изобретения, стоял на отшибе.

— Это сделали по моей просьбе, — пояснил мистер Мирт. — Ведь мое изобретение очень важно для всех Бриттских островов. Мистер Черч это прекрасно понимает. Поэтому в этом году Ежегодная выставка достижений пройдет в новых павильонах, возведенных специально к этому событию. И один из павильонов строится вокруг моей паровой машины. Изначально я собирал ее в деревянной постройке, но теперь ее разобрали и расширили павильон. Вам понравится. Вы первая, кто увидит, как будет выглядеть Выставка в этом году!

Мисс Амелия ответила ему солнечной улыбкой человека, целью жизни которого стала Выставка вот прямо сейчас. Она даже не кривила душой — с тех пор как она узнала, что Габриэль Мирт не рядовой изобретатель, а фактически продолжатель дел ее отца, она еще серьезнее стала относиться к предстоящей авантюре.

Одно дело — просто стать первой женщиной-водителем паровой повозки, обойдя всех мужчин. И совсем другое — показывать отцовское наследие.

Мистер Мирт видел, что она вдохновлена, и сердце его наполнялось радостью оттого, что выбранный им водитель не просто проедет за рулем его изобретения по маршруту до дворца Цикламенов и обратно, но еще и поймет всю важность, весь масштаб созданного им чуда.

Наконец впереди появились внушительные стены пави-

льонов. Возведенные на скорую руку, они все равно выглядели монументально. Здесь поработали лучшие руки, которые только находились в подчинении у мистера Анатоля Черча.

– Ого! – невольно вырвалось у мисс Амелии. – А вы ска-
зали – временная выставка...

– Я сказал: построенная специально ради моего изобре-
тения, – улыбнулся мистер Мирт. – Но я не сказал – временная. Мне кажется, мистер Черч всерьез ухватился за возможность сделать Выставку чем-то большим, чем ежегодным праздни-
ком, длящимся неделю. К сожалению, внутри выставочных залов Лунденбурха ему давно уже тесно, да и другие салоны и выставки наступают ему на хвост. Остаться на постоянной основе не получается.

– И он решил воспользоваться моментом?

– Именно. Парламент разрешил использовать эту землю так, как он сочтет нужным. Так что павильоны останутся здесь, и многие изобретения тоже – что даст возможность целый год до следующей Выставки любоваться успехами изобре-
тателей и ученых и вдохновляться на что-то новое.

– И вы оставите вашу паровую машину как экспонат? – поразила мисс Амелия.

Мистер Мирт мотнул головой, отчего темные кудри упали ему на лицо.

– Ну уж нет! Я намерен победить в этом году. А победи-
тель получает неограниченный патент на реализацию своего изобретения на государственной основе. Я мечтаю о том, как

рельсы опутают Бриттские острова, и мы сможем добираться всюду в считанные часы!

– Звучит здорово... Хотя пока невероятно.

– Вот увидите. Все реально, – заверил мистер Мирт и натянул вожжи, велев упряжке остановиться.

* * *

Огромные выставочные павильоны занимали почти всю территорию старого пустыря. Как такое место вообще долгое время было пустым? Говорили, что здесь стоял когда-то один из дворцов фаэ. Что его уничтожило, никто толком сказать не мог, но затевать на этом месте строительство не решались на протяжении нескольких веков.

И сейчас не решились бы, не стукни Габриэль Мирт кулаком по столу – фигурально, конечно, ведь он был прекрасно воспитанным джентльменом. И давним знакомым Анатоля Черча – несколько лет подряд изобретения разной степени полезности демонстрировались в выставочных залах. И, надо сказать, имели успех у публики. А сам Габриэль Мирт стал обладателем нескольких патентов.

Только это и позволило Анатолию Черчу не счесть мистера Мирта сумасшедшим, когда тот явился к нему с чертежами паровой машины. А уж когда изобретатель предъявил сопроводительные письма от мистера Чэйсона Уолша, председателя Правления, мистер Черч только рукой махнул – мол,

будет тебе персональный выставочный павильон. Для этого мистер Черч потребовал от мистера Мирта взять на себя всю ответственность за возможный гнев фаэ, и возил его с собой на строительство на протяжении нескольких месяцев.

Мистер Мирт был только рад: находясь в центре событий, он мог следить за строительством самого важного павильона и смотреть, чтобы деревянный сарай, в котором стояла паровая машина, демонтировали аккуратно и оставалась возможность для прокладки рельсов.

– А как ты собираешься свою громадину потом на рельсы ставить? – поинтересовался мистер Черч еще на начальном этапе строительства.

– Все просто! – лучезарно улыбнулся мистер Мирт. – Она уже собрана на рельсах. Мне останется собрать дорожное полотно за и перед ней. И проложить... Где-то до дворца Цикламенов и обратно.

– Сам прокладывать будешь? – поддел мистер Черч.

– Нет, найму каменных великанов, – с предельно серьезным выражением на лице ответил мистер Мирт и отправился нанимать рабочих для нелегкого и времязатратного дела.

Рабочие нашлись, рельсы ложились, все шло своим чередом.

Едва повозка затормозила у высокого арочного входа в выставочную зону, как навстречу выбежал мистер Черч.

– Габриэль! – воскликнул он, поправляя круглые очки, то и дело спешащие сбежать с кончика носа. – Вот уж не ожи-

дал, что ты появишься сегодня. Разве у тебя не смотр будущих машинистов?

– Он уже прошел! – мистер Мирт спрыгнул с козел, обошел лошадей и подал руку мисс Амелии.

Она грациозно спрыгнула на землю и протянула руку для рукопожатия мистеру Черчу. Тот неуверенно пожал ее, не зная, стоит ли это делать – или лучше, по традиции, поцеловать. Но мисс Амелия крепко сжала его ладонь.

– Мистер Черч, устроитель выставки... Мисс Эконит, будущий водитель паровой машины! – скороговоркой произнес мистер Мирт, желая поскорее закончить этап знакомства.

А то с мистера Черча стало бы заострять внимание на том, что мисс Амелия – женщина. Мистер Мирт видел, что она и без того расстроена возмутительным поведением рабочих и кебменов сегодня утром.

Мистер Черч, однако, вопреки опасениям мистера Мирта ни о чем таком и не думал.

– Как я рад, что Габриэль нашел водителя по вкусу! Уверен, вы со всем справитесь, мисс Эконит. Несмотря на сложность воплощения, все изобретения Габриэля просты в обращении. Вы видели, наверное, его астрономические часы? Стоят во дворе Парламента. Удивительно точные!

– Я не была в Парламенте, – улыбнулась мисс Эконит. – Когда случился Призыв Просвещения, я была слишком юна. На публичные слушания меня не брали. А потом... Я и сама

не захотела. Так что, к сожалению, выдающееся изобретение мистера Мирта я не видела.

– О, позвольте... – вдруг сообразил мистер Черч. – Вы сказали, Эконит?

– Да, Анатоль. Эконит, – положил ему руку на плечо мистер Мирт. – Тот самый, благодаря которому моя паровая машина вообще существует.

– Тот самый Эконит... – повторил мистер Черч и едва не подпрыгнул на месте. – Мисс Эконит, вы будете нашим талисманом!

– В первую очередь она мой водитель, Анатоль! – шутливо погрозил ему пальцем мистер Мирт. – Я собираюсь показать мисс Эконит паровую машину. Проводишь нас?

– С удовольствием. Хотя не представляю, как мы туда пройдем, там все перегородили! Ух, придется прыгать!

Мистер Черч устремился вперед. Мисс Амелия проводила взглядом его круглую фигуру и повернулась к мистеру Мирту.

– Кажется, нам с вами надо поторопиться. Он убегает! – смеясь, произнесла она.

– Так поспешим же! – кивнул мистер Мирт и протянул ей руку.

Мисс Амелия крепко ее сжала.

Паровая машина выглядела как... чудо.

Мисс Амелия, конечно, сталкивалась с паровыми двигателями, но никогда – с подобными. Он и рядом не стоял с тем, что используют в шахтах для того, чтобы тянуть вперед угольные тележки.

Громада паровой машины вздымалась перед ней, выпятив металлическую раму, похожую на широкую улыбку, и устремив вперед круглый выпуклый фонарь – фару, призванную разгонять любую тьму на пути. Металлические бока хромированно блестели в приглушенном свете выставки – на натоворские паровые лампы мистера Мирта до открытия выставки особо не тратились, а газовые фонари не могли дать нужного освещения. Однако мисс Амелии хватило и этого – живое воображение разом нарисовало ей то, как будет выглядеть паровая машина во всем своем блеске, когда выставочный павильон откроется для зрителей.

Она медленно пошла вокруг металлического гиганта, касаясь рукой в перчатке железных деталей. Огромные колеса вздымались выше ее головы. Ей никогда не доводилось видеть таких колес. Мисс Амелия никогда в жизни не посещала угольные шахты, однако знала по записям и рассказам отца, что местные машины невысоки и компактны – что более чем разумно, учитывая, что они передвигаются по пещерам.

Паровая машина мистера Мирта же раздвигала границы восприятия масштаба. Гигантский корпус был из литого металла, и прямые линии его создавали впечатление гончей, вставшей в охотничью стойку – та же восхитительная безупречность, от которой перехватывало дыхание.

Со своего места мисс Амелия даже не могла в полной мере разглядеть трубу для выхлопа – она уходила куда-то вверх, к потолку.

– Как она будет работать здесь? – тихо спросила мисс Амелия. – Ведь когда мы приведем ее в движение, разве не задымит она все вокруг? Как я себе это представляю...

– Ха, я задал ему тот же вопрос! – хохотнул мистер Черч. – Потому мы и разработали специальную раздвижную крышу. Пока Габриэль здесь работает, крыша защищает паровую машину от дождя и ветра. Но, когда наступит день открытия, я просто потяну за рычаг...

Мистер Черч отошел к стене и потянул за незаметный черный рычаг.

Крыша медленно разъехалась в разные стороны, подставляя паровую машину солнечным лучам.

– Произойдет магия. Видите? – довольно усмехнулся мистер Черч в пышные усы.

Мисс Амелия восторженно разглядывала паровую машину. В свете солнечных лучей механизм, казалось, обрел еще большую торжественность.

– Вам нравится? – тихо спросил Габриэль Мирт.

Он стоял, спрятав руки в карманы сюртука и, казалось, отчетливо нервничал. Мисс Амелия улыбнулась ему как можно ласковей.

– Габриэль, – нежно сказала она. – Мой отец был бы так благодарен вам...

Из дневника Габриэля Мирта

Лунденбурх, август, 18 год**

...целые дни мои проходят в ангаре, который превратится позже в один из основных выставочных павильонов. Он прекрасен. Над его конструкцией мы с Анатолем думали так долго, что, казалось, ничего уже не получится.

Но вот же – ангар с раздвижной крышей и стеной, полностью уходящей в боковые створки. Рельсы пойдут от самого центра павильона на север, туда, где расположен дворец Цикламенов. Пока все идет по плану. И это тревожит меня – уж не слишком ли гладко все складывается?

Амелия сравнила мою паровую машину со зверем – совершенным, плавным, напрягшимся в ожидании прыжка. Признаться честно, какие-то подобные сравнения приходят и мне на ум, когда я смотрю на нее. Смотрю – и поражаюсь величию, которое создал. Может

ли человек стать творцом – настолько?

Однако все-таки это бездушный механизм, а не скульптура или живописное полотно. Цель существования паровой машины – не удивлять и восхищать, и не заставлять задумываться о бренности всего сущего и восхищаться моментом. У нее есть практическое применение. Я намерен охватить путами железных дорог все Бриттские острова. Пусть создатели маленьких паровых двигателей в угольных шахтах это начали – я же продолжу. Не пишу – закончу, специально, чтобы не сглазить самого себя. Ведь я не устаю напоминать себе, что это всего лишь начало пути.

Но я рад, что сразу показал Амелии свое чудо.

Амелия... Вот уж где настоящие чудеса. Меня самого забавляет вопрос: почему я выбрал ее? Потому что она женщина? О нет, я даже не рассматривал женщин на роль водителя паровой машины. Признаться честно, к своему стыду, мне и в голову не приходило, что женщины также могут быть заинтересованы в тяжелой работе, как и мужчины. Потому что она дочь Эконита? Как я сказал ей прямо, я не знал об этом. Но... Я беседовал с Амелией в самом конце, и она показалась мне такой... настоящей. Единственной, кто пришел, потому что ее увлекла идея, а не деньги. Как она потом призналась, содержание у нее есть.

Меня удивило и то, что она явилась без какого-либо сопровождения. Неужели ей настолько не дорога репутация? Но она растолковала мне, что женщина – не собственность мужчины или няньки, и что

она, наследница и глава пусть небольшого, но дома, вправе сама распоряжаться собственной жизнью. Все это я узнал потом, а до того – меня впечатлила ее невозможная смелость и сияние глаз.

Она впечатлила меня, и я не стесняюсь писать об этом, но говорить об этом вслух – не хочу, пусть сокровенное останется у сердца...

Глава 5

Улей контрабандистов

То место рядом с портом, под мостом, где всегда дурно пахнет человеческим телом и разложением, называлось Улей. Отчего? Ортанс никогда не пытался понять. Клички и прозвища прилипают к маргинальным местам так же крепко, как и к их обитателям.

Ботинки скользили по грязи, идти было тяжело, местами – неприятно, потому что грязь эта состояла из навоза и испражнений больше, чем любая другая улица Лунденбурха.

– Что бы ни случилось – не лезьте в драку, – негромко сказал Ортанс. – Помните, что вы ранены. Вы со мной только как наблюдатель.

– Позволю себе не согласиться с вами, – так же тихо отозвался Цзиянь. – Когда я готов и предупрежден, я могу за себя постоять.

– Опять вы за старое, – закатил глаза Ортанс. – Друг мой, никак не хочу больше спорить об этом. Вы пошли со мной? Ваше право. Но позвольте мне диктовать свои условия. Эти места мне знакомы. И эти люди. И, поверьте, я предпочел бы до конца жизни не водить подобных знакомств.

Юй Цзиянь кивнул, соглашаясь.

– Кого мы ищем? – решил он сменить тему.

– Кое-кого по имени Шершень, – ответил Ортанс. – Тот

еще пройдоха, зато может и снег летом достать. И у него точно есть выходы на ханьцев, торгующих из-под полы.

– Но почему? В смысле, у Хань налаженные торговые связи. Контрабанду прикрыли еще при моем... Еще когда я был на родине.

– Это вам сказали, что ее прикрыли, – вздохнул Ортанс. – Вы иногда кажетесь не по годам мудрым, а иногда – настолько же наивным. Контрабанда процветает тем больше, чем сильнее монополия на торговлю сжимает свои тиски. Человек всегда ищет где выгоднее. Или где быстрее – как мы с вами. Разве мы не за этим пришли?

– Когда я жил в Хань, я боролся с преступностью, – помолчав, сказал Цзиянь. – А теперь, выходит, сам становлюсь на путь беззакония?

– Ну... – Ортанс почесал бороду. – Выходит, что так! Но вы не волнуйтесь, мой друг. Как я уже сказал, вся плата с меня.

– Я все равно рядом. И мы все делим надвое.

Когда Юй Цзиянь волновался, ханьский акцент в его речи становился заметнее.

– Я бы предпочел...

Он не договорил, оборвал сам себя и осекся, прислушиваясь к чему-то за спиной.

– Мы не одни, – проговорил он.

Ортанс резко развернулся, выкидывая вперед руку с небольшим револьвером. Такие были в ходу у торговцев и

моряков: небольшие, легко прятавшиеся в подкладке сюртука или за голенищем сапога. Ортанс давно понял, что простым механиком с его связями и интересами ему не быть.

– Кто здесь?..

Когда спускаешься в маргинальные слои города, стоит быть готовым ко всему. И разговаривать уметь на их языке. Темные закоулки Лунденбурха были подобны Холмам фаэ: тоже легко заблудиться и потеряться, и самого себя забыть на добрую сотню лет.

Меньше всего Ортанс хотел бы угодить в Холмы или расстаться с жизнью в грязных переулках, пропахших тухлым мясом, потом и испражнениями. Особенно когда рядом с ним был неутомонный Юй Цзиянь, свалившийся на него как снег на голову.

* * *

Ортанс вряд ли мог бы сказать, сколько Цзияню лет. Знал только самое основное – он прибыл из Хань (был ли он беженцем или приезд его был обусловлен дипломатическими причинами, он также не знал), уже больше трех лет снимал одну и ту же квартиру на Ризен-стрит и регулярно попадал в неприятности. Выправка и манеры выдавали в нем дипломата – из тех, кто так настойчиво учил лунденбурхский язык, чтобы говорить на нем спокойно и свободно с представителями Бриттских островов в Хань. Между странами соблю-

дался условный нейтралитет, но душа ханьцев – потемки. Незря же ходили слухи, что принц Джеймс не погиб во время Призыва Просвещения, а отправился именно в Хань, где успешно скрылся от преследования новых властей.

Как-то Цзиянь обронил, что не желает учиться драться потому, что убежден во вреде насилия.

– Насилие лишь множит насилие, – убежденно говорил он, разливая по маленьким чашкам прозрачный зеленый чай.

– Одной дипломатией не добиться нужного результата, – качал головой Ортанс.

– Посмотрим, посмотрим... – только и улыбался Цзиянь.

Ортанс знал, что Цзиянь должен был активно действовать в то время, когда Блюбеллы пытались превратить Хань в свою колонию – и приложить руку к тому, чтобы идея оказалась совершенно провальной. Сложно представить, каким был бы мир, расширь Бриттские острова свое влияние не только на Инд Сингху, но и на Хань.

Возможно, Цзиянь приложил руку к тому, чтобы этого не произошло. Или к предполагаемому бегству выживших Блюбеллов в Хань. Или же к тому, что после просочившихся слухов и превентивных военных действий между Хань и Бриттскими островами не разверзлась кровопролитная война.

Правды Ортанс не знал.

Цзиянь рассказывал то, что хотел, и тогда, когда хотел.

Попытки расспросить его подробнее никогда не увенчивались успехом. Вот ведь невыносимый человек! Ортансу до дрожи в кончиках пальцев хотелось понять, как в одном человеке может сочетаться несочетаемое: упертый пацифизм и военная выправка, мягкость характера и стальная решимость, умение находить неприятности на свою голову и умение заводить друзей, привязывая к себе так крепко, что деться-то уже некуда. В противном случае Ортанс не потащился бы в эту яму среди ночи.

К услугам мастеров Улья он прибегал крайне редко – во-первых, для его работы хватало в основном официальных поставок, достаточно было своевременно поддерживать подбояющие отношения с парой достаточно алчных поставщиков. А во-вторых, в Улье шутить не любили – нажить здесь проблем на всю жизнь было парой пустяков.

Но Цзияневы протезы держались на честном слове, а без них... Ортанс не был уверен, сможет ли Цзиянь нормально существовать без них – и без постоянной боли, которую должны причинять непроходящие раны.

Ортанс знал, что Юй Цзиянь жил затворником, увлекался ботаникой, разводил в своей небольшой квартирке на Ризен-стрит редкие виды растений, до сих пор не вступил ни в один джентльменский клуб и не проявлял никакого интереса к так называемому наращиванию связей. В каком-то смысле Ортанс, дни напролет проводящий в мастерской, его понимал. Однако не мог не расстраиваться замкнутости и от-

шельничеству друга: ведь это Лунденбурх, шумная столица, живущая знакомствами и разговорами. Отшельнику здесь сложно. Почему Цзиянь не уехал дальше, вглубь, в принципе, было понятно: в глухих деревнях Каледонии его экзотическая внешность, дополненная протезами, делала бы его еще более приметным. Там бы ему житья не дали.

В большом городе затеряться проще.

Но Ортанс до сих пор не мог понять: хочет Цзиянь затеряться или наоборот – чтобы его нашли.

В любом случае, он радовался дружбе с ним хотя бы потому, что мог разделить одиночество Цзияня, выпить бокал-другой бренди и подлатать его вечные раны. Когда он перестанет искать себе врагов и будет искать друзей? Явно не сегодня и не внутри Улья. Брать его с собой было худшим решением. Однако Ортанс уже не мог ничего переиграть.

* * *

– Так-так-так... – из темноты выступил человек.

Поношенный сюртук его был небрежно распахнут, картуз на голове заломлен назад, а в смуглых пальцах плясал тонкий острый стилет.

– Так-так-так и кто тут у нас? – он широко ухмыльнулся, и кривые зубы блеснули в свете единственного тусклого фонаря, освещающего переулок именно в том месте, где стояли Цзиянь и Ортанс.

– Оставь свои штучки, Бэйкон, – посоветовал Ортанс, шагая вперед, невольно заслоняя плечом Цзияня.

– Оп-па! Кого я вижу! Неужели сам Джон Ортанс пожаловал к нерукопожатным нам! А что случи-илось? Проблемки? А мы поговорили, что будут проблемки-то, рано или поздно, а будут! Как в воду смотрел, ты посмотри! Потому что нельзя-а к друзьям поворачиваться задом! Друзья-то обидеться могут!

– Мы не друзья, Бэйкон. И задом я ни к кому не поворачивался, – как можно невозмутимее ответил Ортанс. – Я здесь по делу, и не к тебе. Не мешай.

– А я, может, свои процентики хочу? Ты раньше здорово тут отоварился, а теперь денежки наши пускаешь по ветру?

– Во-первых, мои деньги. Не наши. Во-вторых, твое ли дело, чем я занимаюсь? Пропусти. Драться я сегодня не в настроении.

– А что так, а-а-а? Трусись, Ортанс?

– Да нет, – пожал плечами механик. – Просто друга обижать не хочу. Он у меня мирный, крови не любит.

– Друга? Этого дрища, что ли? – сплюнул Бэйкон, подходя ближе.

– Сам дрищ, – нелюбезно ответил Ортанс и шагнул вперед. – Пройти дай. По делу пришел. Не было бы дела – ноги моей бы тут не было.

– Говорю же, зря, зря к друзьям с презрением! Мы-то со всей душой к тебе! А был бы добрее, то я б к тебе со всей

душой! Я б тебе сказал, как важно доверять друзьям!

Ортанс на мгновение прикрыл глаза и сосчитал до пяти. Бэйкон начинал его не на шутку раздражать, но начинать драку здесь, в самом начале Улья, было бы верхом недалёковидности – при условии, что он хочет ещё проверить хоть какую-то сделку.

– Мне до тебя нет дела, Бэйкон, – наконец сказал он. – До тебя и твоих игр. Мне нужен Шершень. И только.

– О, что ж... Удачи тебе добраться до Шершня! Тут многие на тебя точат зуб, знаешь ли. Тут предателей не любят. У меня-то на тебя обидка маленькая, могу на время и глаза закрыть – чтобы дружок твой не плакал, а? Как тебе доброта моя? А другие не будут такими же добренькими!

– В толк не возьму, что я им сделал! – развел руками Ортанс.

– Да не нравится тут никому, что ты с ханьцами связался и что деньги уходят желтомордым, – честно пояснил Бэйкон. – И чем мы тебе не угодили, а-а-а?

Ортанс промолчал.

Любой ответ был бы неправильным.

Бэйкон как будто и не ждал ответа. Обошел вокруг, осмотрел Цзияня с головы до ног и сплюнул:

– Ты что ж, сюда желтомордого притащил? Ханьца калечного? Для ханьцев ничего нет у нас.

– У тебя нет, – подчеркнул Ортанс. – А за весь Улей не говори.

– Нет, ну ты совсем уже наглеешь! – развел руками Бэйкон. – Я к тебе со всей душой, а ты...

– Мне кажется, он хочет, чтобы мы заплатили за вход, – тихо проронил Цзиянь на ухо Ортансу.

– Но ничего не получит, – так же тихо отозвался Ортанс. Это было одно из правил Улья – вход свободен для любого нуждающегося. С выходом был уже свой вопрос.

Поэтому Ортанс шагнул вперед и коротко, быстро ударил Бэйкона в нос. Тот охнул и упал, хватаясь за лицо.

– Я тебя!!! – гнусаво заорал он. – Да я ж тебя! Эй, ребята, вы посмотрите, вы посмотрите, кто тут распускает руки!..

– Цзиянь, – коротко скомандовал Ортанс. – К стене! Цзиянь послушно отошел в тень.

В ту же минуту несколько человек весьма потрепанной наружности с двух сторон налетели на Ортанса.

* * *

Цзиянь смотрел на драку с каким-то восхищенным любопытством: не каждый день классический бриттский бокс встречается с уличными подлыми приемами. И тем не менее Ортанс держался неплохо. Видимо, не впервой ему сталкиваться с бесчестными ублюдками, решившими, что им все можно только потому, что они обзавелись крохами физической силы и огромным количеством ненависти к окружающим – а может, просто потерявшим голову от нищеты и без-

наказанности.

– Взять с меня все равно нечего, – прохрипел Ортанс, применяя болевой прием.

Один из нападавших взвыл.

– А дел у меня тут... полно.

Второй нападавший отправился следом за первым.

Ортанс развернулся к третьему, уже занесшему тонкий, похожий на шило, нож над его головой и толкнул ногой в пах. Шило упало на землю. Ортанс склонился над скрючившимся бандитом и сказал:

– Давайте без шуток. Мне нужен Шершень. И только он. У меня к нему дело. Так и передайте. Идемте, Цзиянь.

Цзиянь осторожно обошел распростершихся на земле бандитов и вопросительно посмотрел на друга.

– И здесь каждый раз так?

– Раз на раз не приходится, – пожал плечами Ортанс. – Осторожнее, здесь еще много таких. Улей что-то вроде убежища – безнаказанность развязывает им руки. Полиция не сунется сюда.

– Вы в самом деле не взяли никакого оружия?

– Отчего же? Взял. Но применять не буду и вам не советую: здесь действуют иные правила, чем в законопослушном городе. Если ранить или убить кого-то из Улья – они все как единый организм обернутся против нас. Пока мы что-то от них хотим, надо быть вежливыми.

– Это была вежливость?

Ортанс поднял брови.

– Конечно. Ведь я ничего им даже не сломал. Так, заявил свое право пройти вглубь.

Цзиянь вздохнул, но ничего не сказал. Тогда Ортанс продолжил:

– Представьте, что вы входите в Холмы фаэ.

– Я мало знаю о фаэ. Только то, что мне рассказывал один... давний приятель.

– Но про Холмы вам известно?

– Да, это места их обитания, где работают иные законы и даже время течет своим чередом...

– Вот! – Ортанс поднял палец вверх. – С Ульем так же. Свои законы. Свои обычаи. И при этом весьма маленький шанс остаться в живых. Так что считаю, что нам следует поторопиться.

Вокруг них сгустилась тишина – плотная, влажная, сложно дышащая, похожая на огромный живой организм. Цзияня передернуло при одной мысли о том, что живое существо может быть подобно этому. Он поежился: тишина и холод, холод и тишина, вот что объяло Улей и сулило теперь одни лишь неприятности.

– А я смотрю, здесь вашим внешним видом никого не удивить. – заметил Ортанс.

– Именно потому, что эти люди торгуют в том числе запчастями для протезов, – ответил Цзиянь. – Наверняка свои отсутствующие после многочисленных драк части тела они

заменяют именно этим способом. Но если здесь это в порядке вещей... Неудивительно, что в городе на меня смотрят как на прокаженного.

– Вы же не думаете...

– Что мне лучше было бы здесь? О нет, – рассмеялся Цзиянь. – Я стремлюсь к спокойной мирной жизни. Меня можно осудить за это, но...

– Кто бы стал вас осуждать? – хмуро спросил Ортанс. – Не вижу в этом желании ничего плохого.

– Вы хороший человек, Джон. Не привыкли осуждать и обсуждать других. Но, к сожалению, не все такие, как вы. Здесь, в Лунденбурхе, я почти никого не знаю. Но поверьте, узнай в Хань, какой образ жизни я выбрал...

– Вы скрываетесь от них?

– Я бы так не сказал, но... Да, скрываюсь, – еле заметно кивнул Цзиянь.

Черные волосы закрыли металлическую полумаску. Ортанс отвел их с лица и внимательно посмотрел на потрескавшийся протез в свете тусклого фонаря.

– Вы... Верю, однажды наступит момент, когда вы найдете в себе силы поделиться со мной случившимся.

– Зачем вы спрашиваете об этом снова и снова, Джон? – Цзиянь мягко отстранил его руку. – Это ничего вам не даст. Вы не знаете этих людей. Кем бы они ни были, вы не сможете меня защитить: просто потому, что я не нуждаюсь в защите сейчас, как не нуждался тогда. Я исполнял свой долг. Сейчас

же мой долг — жить спокойно и ни во что не вмешиваться.

Ортанс промолчал. Слова и вопросы роились в голове, так и норовя сорваться с языка, но он понимал.

— Мы вас починим, — сказал он вместо этого, развернулся и пошел вперед по узкому проулку.

* * *

Проулок между домами привел их к полуразвалившейся каменной лестнице, ведущей к заброшенным докам. С реки несло тухлой рыбой. Тамесса в этом районе широко, мощно разливалась по обоим своим берегам, превращая землю в рыхлую грязь. Здесь, в крепко сбитых деревянных бараках, и обитал Шершень — один из лучших контрабандистов Бриттских островов. Ярл, без сомнения, знал о его существовании — в противном случае можно было смело признавать, что в полицию идут исключительно слепоглухонемые калеки. Однако в Ярде работали профессионалы, молодые, сильные, верные своему делу... Но при этом осознающие границы своей власти и не сующиеся туда, где переставали действовать общепринятые нормы: например, в Улей. Не случайно это место так часто сравнивали с Холмами фаэ — пропасть здесь было быстрее и проще, чем крикнуть «На помощь!».

Чтобы попасть в барак, надо было пройти по зловонной жиже, в которую превращались накатывающие на берег вол-

ны. Для сохранности скудного имущества контрабандистов – а ведь новые ботинки во все времена непросто было раздобыть! – кто-то заботливо перекинул несколько гнилых досок и подложил круглые валуны.

Ортанс перешел по ним, оглянулся и подал руку Цзияню. Но тот вопреки его ожиданиям легко преодолел препятствие и прыгнул по другую сторону доски.

«Ах, да, – напомнил себе Ортанс. – Военный!»

Не отвлекаясь больше, он шагнул вперед и потянул за кольцо, вбитое в разохшуюся дверь ближайшего барака. Внутри было пусто.

– Шершень? – Ортанс шагнул внутрь. – Ты здесь? Знаю, что ты здесь. Вылезай, кому говорю, это Джон. Дело есть!

Юй Цзиянь осторожно вошел следом за ним, осматриваясь по сторонам, нервно сжимая и разжимая пальцы металлической руки.

Тишина.

– Шершень? – снова окликнул Ортанс. – Нет его, похоже, пошли поищем в других...

Дверь захлопнулась.

– Проклятие! Здесь всегда так? – вскричал Цзиянь.

– Когда как, они бывают и поприветливее, – досадливо крикнул Ортанс, налегая на дверную створку. Она закачалась, но не поддалась.

– Нас тут заперли? – спросил Цзиянь. – Зря я втянул вас в это...

– Не говорите ерунды, втянулся я сам, – ответил Ортанс, отходя от двери. – Шершень! Знаю я эти твои штучки! Выходи! Есть правда серьезное дело!

Дверь в другой стороне барака со скрипом отворилась.

Цзиянь присмотрелся: того, кто стоял на пороге, было бы сложно назвать матерым контрабандистом, способным достать любую вещь.

Мальчишке было на вид лет десять-одиннадцать, он был чумаз, одет в грязную неряшливую одежду, а на лице его играла широкая усмешка.

– Значит, вы, господа хорошие, к Шершню? – растягивая слова, заговорил он. – У меня от него послание. Для вас. Впервые, вам не стоит его искать.

– Почему же? – не удержался Ортанс.

– У него сейчас... – мальчишка сделал неопределенный жест рукой. – Не лучшие времена. Но тебя, Джон Ортанс, он выделяет. Иначе давно уже приказал бы мальчикам выкинуть тебя вместе с твоим дружком взашей. Но все иначе. Говори, что надо. Я передам ему и скажу условия. Условия не обсуждаются, не обговариваются. Как он скажет, так и будет. Шершень знает, что ты хорош в торговле, но не то время и место.

Ортансу ничего не оставалось, кроме как развести руками.

– Хорошо, хорошо, – сказал он. – По рукам.

– Тогда, – ухмыльнулся мальчишка, – говори, что надо.

– Металл для протезирования. Ханьский, – коротко обозначил Ортанс. – Много.

– Тебе сами протезы или только материал? – заинтересовался мальчишка.

– Материал. Сам не безрукий, да и работа непростая...

– Это с этим, что ли? – мальчишка хмыкнул и оглядел с ног до головы Юй Цзияня. – Да, повозиться придется. Только вот накладка. Поставок из Хани такого рода не было давно. Что-то у них на их стороне не заладилось.

– Значит, нету? – разочарованно вздохнул Ортанс. – Придется все-таки идти через официальные закупки?

– Ты не понял, Джон Ортанс, – растягивая слова, пояснил мальчишка. – У официалов нет тем более! Ханьцы не торгуют больше своим пластичным материалом. Есть остатки. Не здесь, и так просто их не достать. Но для тебя Шершень – возможно – сделает исключение.

– Сколько это будет стоить?

– Узнаю. Жди здесь, и даже не думай пойти следом – останешься ни с чем.

Мальчишка исчез.

Ортанс присел на валяющийся неподалеку деревянный ящик. Цзиянь остался стоять.

– Как думаешь, что-нибудь получится из этой затеи? – спросил он.

Ортанс покачал головой.

– Давайждемся ответа от Шершня. Что-то разладилось

здесь, раз такие предосторожности. Что-то происходит...

– Веришь в народные приметы?

– Народные или нет, но, если низшие слои общества напряглись, наверху могут полететь головы. Вполне возможно, здесь что-то знают. Но ничего и никогда не скажут нам.

Тем временем снаружи раздались торопливые шаги.

Вбежал мальчишка.

– Ну, что? – неторопливо спросил Ортанс, поднимаясь со своего ящика. – Удалось?

– Только ради тебя, Джон Ортанс, и старой дружбы, – раздался низкий, хриплый голос.

Следом за мальчишкой в барак вошел высокий, широкоплечий бородач. В зубах у него была сигара, закатанные рукава рубахи обнажали несколько крупных татуировок.

– Добрый вечер, Шершень.

– И тебе не болеть. Дюк сказал, тут биомеханическая работа неплохая. Я решил взглянуть сам.

Он подошел к Цзияню почти вплотную, и Ортанс подавил в себе желание одернуть его – слишком сейчас было важно хорошее отношение этого человека. Хоть и противно донельзя.

Цзиянь, видимо, с теми же мыслями, стоял не шелохнувшись. Шершень провел мясистым пальцем по металлической заплатке на лице, потом взял руку и без всякого пиетета повертел туда-сюда запястье, рассматривая механизм.

– Неплохо, определенно неплохо. Тонкая работа. Хань?

Здесь таких не делают. Даже он не делает.

– Хань, – ответил Цзиянь, и Ортанс поразился его выдержке – голос звучал спокойно и ровно.

Истинный дипломат.

Правда, после того как Шершень озвучил сумму, все спокойствие схлынуло с лица Цзияня. Он отозвал Ортанса в сторону и зашептал на ухо:

– У меня нет таких денег, Джон!

– Но он сказал, что может достать материалы. Только он. Больше никто!

– Вы ему верите?

Ортанс задумался.

– До сих пор у меня не было причин сомневаться в его порядочности. Честь контрабандиста – тоже честь. В Улье живут по своим законам, но соблюдают их. Шершню нет причины лгать нам: ни насчет возможности получить товар, ни насчет цены. Он берет столько, сколько надо. По крайней мере, так было раньше.

Цзиянь покачал головой.

– У меня нет таких денег. Нам надо идти.

– И оставить вас донашивать разваливающиеся на глазах протезы, чтобы вы в конце концов остались вообще без руки и головы? – нахмурился Ортанс. – Это совсем не по мне.

– Вы что, не слышали, какую сумму он назвал? – в голосе Цзияня вновь прорезался ханьский акцент.

Ортанс понимал его прекрасно: выходцу из Хань, живу-

щему на грани легальности, и без того непросто сводить концы с концами, и порой он задавался вопросом, на что его друг живет, всякий раз одергивая себя: не его дело.

У него самого дела шли неплохо, спрос, легальный и не очень, на услуги механика только возрастал, но суммы, озвученной Шершнем, он не собрал бы и за год работы.

Им с Цзиянем нужно чудо.

А еще – ему нужен этот товар, понял Ортанс, глядя, как Цзиянь в задумчивости ковыряет винт в запястье, окончательно разбалтывая и без того шаткое крепление.

– Мы согласны, – сказал он, резко разворачиваясь к Шершню. – Но дай нам время.

– Месяц, – отрезал Шершень. – Из моей большой любви к тебе, Джонни. И из интереса – что ты сделаешь потом с ними, как подлатаешь это. Работа непростая, но и постарались, чтобы привести механизмы в негодность, тоже очень хорошо. Твой дружок любит неприятности?

Ортанс промолчал, хмурясь.

– Можешь не отвечать, – продолжил Шершень. – Но пусть держится подальше от таких передраг. А через месяцок подходите сюда же, Дюк расскажет, что сделать с деньгами. Но помни: всю сумму сразу, ни центом меньше. Иначе... Согласен?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.